

18+

ОЛЕГ ДАВЫДОВ

МЕСТ СИЛЫ

ШАМАНСКИЕ ЭКСКУРСЫ

ТОМ 6

ЖИЗНЬ КАРЛА ЮНГА

ШАМАНИЗМ, АЛХИМИЯ, ПСИХОАНАЛИЗ

Олег Давыдов

**Места силы. Шаманские экскурсии.
Том 6. Жизнь Карла Юнга.
Шаманизм, алхимия, психоанализ**

«Издательские решения»

Давыдов О.

Места силы. Шаманские экскурсии. Том 6. Жизнь Карла Юнга.
Шаманизм, алхимия, психоанализ / О. Давыдов — «Издательские
решения»,

ISBN 978-5-00-624858-8

Шестой том проекта «Места Силы/Шаманские Экскурсы» продолжает линию предыдущих: действие богов в коллективном бессознательном и их влияние на исторические реалии. Но эту книгу можно читать и как самостоятельную работу — жизнеописание Карла Густава Юнга, где в виде несущей конструкции выступают не только факты биографии, но и научные изыскания и открытия Юнга, его видения, шаманские практики и алхимические опыты. Автор анализирует процесс индивидуации самого Юнга, опираясь на его же теории.

ISBN 978-5-00-624858-8

© Давыдов О.
© Издательские решения

Содержание

Her Jesus	6
Кал божий	12
Нечто потустороннее	18
Выпустить птичку	27
Преодолевая Фрейда	37
Фрейд сновидений	47
Семиты и арийцы	59
Дух глубин	71
Убийство Зигфрида	83
Трансцендентные реалии	95
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Места силы. Шаманские экскурсии Том 6. Жизнь Карла Юнга. Шаманизм, алхимия, психоанализ

Олег Давыдов

Дизайн и верстка Марианна Мисюк

Редактор проекта Глеб Давыдов

Изображение на обложке Арнольд Бёклин, «Остров мертвых», 1883 г., Старая национальная галерея, Берлин

Благодарности:

Валентина Потолова

© Олег Давыдов, 2024

ISBN 978-5-0062-4858-8 (т. 6)

ISBN 978-5-0056-4596-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Her Jesus

Теплый летний день. Сад. В тени дерева детская коляска с открытым верхом. Солнце и небо просвечивают сквозь листву. Все удивительно, ярко, великолепно. В книге «Воспоминания, сновидения, размышления» Юнг говорит, что это его самое раннее воспоминание. Ему тогда было года два или три.

Карл Густав Юнг родился 26 июля 1875 года в семье пастора швейцарской реформаторской церкви в Кессвиле в Швейцарии. Когда мальчику исполнилось шесть месяцев, родители переехали из Кессвила в приход замка Лауфен, расположенного на Боденском озере около Рейнского водопада. Позднее Юнги поселились в Кляйн-Хюнингене под Базелем.

С раннего детства сын пастора знал молитвы. Но не всегда правильно их понимал. Вот, например, мать научила его словам молитвы на сон грядущий: «Распрости крылья, // Милосердный Иисусе, // И прими птенца Твоего. // Если дьявол захочет уловить его, // Вели ангелам петь: // Этот ребенок, должен остаться невредим!». И Карл с радостью их повторял, это его успокаивало перед лицом смутных образов ночи. Но слова «прими птенца» понимал как прием лекарства. И пришел к выводу, что «Jesus» (Иисус) пожирает (принимает) птенцов-детей. Не потому, что птенцы ему по вкусу, а исключительно ради того, чтобы они не достались Сатане. Позднее мальчик узнал, что «„Her Jesus“ таким же образом „принял“ к себе других людей и что „принятие“ означало помещение их в яму, в землю». Тут Христос перестал казаться ему «большой добродушной птицей и стал ассоциироваться со зловещей чернотой людей в церковных одеяниях, высоких шляпах и блестящих черных ботинках, которые несли черный гроб».

Рисунок Карла Юнга из «Красной книги». Фрагмент

А через какое-то время он случайно увидел католического попа в длинном темном одеянии, и это стало первой осознанной травмой в жизни. Мальчик пришел в ужас, в голове вспых-

нуло: «это иезуит». Дело в том, что из разговора отца с другим пастором Карл понял, что иезуиты – нечто очень опасное. «На самом деле я, конечно же, и представления не имел о том, что такое иезуиты, но мне было знакомо похожее слово „Jesus“ из моей маленькой молитвы». Все эти терзания, конечно, довольно специфичны и связаны с воспитанием в пасторской семье (с материнской стороны, кстати, в семье было шесть священников). Мы это будем в дальнейшем учитывать, но сводить жизнь Юнга к преодолению отцовского христианского бога было бы слишком односторонне. Посмотрим с другой стороны.

В три года Карлу приснилось, что он на лугу видит вход в подземелье, спускается вниз, отодвигает зеленый занавес у входа в палату с каменным сводчатым потолком и в ней видит трон. «На нем что-то стояло, что я поначалу принял за ствол дерева (около 4—5 метров высотой и 0,5 метра толщиной). Этот ствол доходил почти до потолка, и очень напоминал странную массу – сплав кожи и голого мяса; все венчалось нечто вроде головы без лица и волос, на макушке которой располагался один глаз, устремленный неподвижно вверх». Дитя в ужасе. А тут еще снаружи слышится голос матери: «Взгляни, это же людоед!» Карл проснулся до смерти перепуганный.

Только потом уж он понял, что это был образ фаллоса, а еще позже – что это ритуальный фаллос. Но что дает такое понимание? Крайне мало. «Я никогда не смог до конца понять, что же тогда хотела сказать моя мать: „это людоед“ или „таков людоед“? В первом случае она подразумевала бы, что не Иисус или некий иезуит пожирала маленьких детей, но представшее чудовище, во втором же – людоед вообще был символом, так что мрачный „Her Jesus“, иезуит и образ моего сна были идентичны».

Как видим, с матерью связана какая-то двусмыслица. Она учит молитве, которую дитя понимает наизусть – так, будто «Jesus» принимает детей. Уж, видно, так учит. Вот и во сне невозможно понять, что она имеет в виду. Вообще, в ней самой была какая-то двойственность, она могла вдруг резко измениться, и тогда в ней прорезывалось какое-то таинственное пугающее существо. Может быть, это существо и было причиной того, что брак отца с матерью Юнга был не слишком благополучным. Они на некоторое время разъезжались (когда Карлу было около трех лет), потом опять жили вместе, но – в разных комнатах. Из комнаты матери исходила мрачная тревожащая атмосфера. Юнг вспоминает: «По вечерам мать казалась странной и таинственной. Однажды ночью я увидел выходящую через ее дверь слабо светящуюся расплывчатую фигуру, ее голова отделилась от шеи и поплыла впереди по воздуху, как маленькая луна. Тут же появилась другая голова и тоже отделилась. Это повторилось шесть или семь раз».

Слева направо: 1. дом семьи Юнгов в Кессвиле; 2. Родители Юнга. Отец Иоганн Пауль Аххилес Юнг и мать Эмилия, урожденная Прайсверк. Март 1876 года; 3. Карл Юнг в шесть лет

Когда Карлу исполнилось шесть лет, он пошел в школу, у него появились товарищи. И он вдруг обнаружил странную вещь: «Они отрывали меня от самого себя, с ними я был не таким,

как дома». И даже так: «Они каким-то образом уводили меня в сторону от самого себя или принуждали быть не таким, каким я был в действительности». В принципе, это был нормальный процесс формирования того, что Юнг впоследствии будет называть «персоной» (хотя, описывая свое детство, этого термина не употребляет). «Влияние этого более широкого, не только родительского мира казалось мне сомнительным, – говорит Юнг, – едва ли не подозрительным, и чем-то, пусть не отчетливо, но враждебным. Все более сознавая яркую красоту наполненного светом дневного мира, где есть „золотистый солнечный свет“ и „зеленая листва“, я в то же время чувствовал власть над собой неясного мира теней, полного неразрешимых вопросов».

Тут намечается раздвоение: дневной мир друзей и ночной мир теней. И в этом контексте Юнг говорит о границе этих миров: «Моя вечерняя молитва была своего рода ритуальной границей: она, как положено, завершала день и предвляла ночь и сон. Но в новом дне таилась новая опасность. Меня пугало это мое раздвоение, я видел в нем угрозу своей внутренней безопасности».

Возможно, этой «ритуальной границей» была та самая молитва, которую маленький Карл понял как принятие божеством птенца внутрь. В любом случае, речь о переходе границы. Знайки увидят здесь юнговскую проблематику процесса индивидуации, который сводится к обустройству границы миров (о чем мы в свое время подробно поговорим). Но сейчас не будем забегать вперед. Обратим внимание лишь на то, что, наметив душевное раздвоение, Юнг сразу же вспоминает, что тогда же, в возрасте от семи до девяти лет, он любил играть с огнем. Разводил маленький костер в одном из углублений каменной стены (граница миров) родительского сада. Делал он это вместе с другими ребятами. Точнее, вместе они лишь собирали ветки. «Однако никто, кроме меня, не имел права поддерживать этот огонь. Другие могли разводить огонь в других углублениях, и эти костры были обычными, они меня не волновали. Только мой огонь был живым и священным».

Отметив, что разведение огня стало его излюбленной игрой на долгое время, Юнг вдруг говорит: «У стены начинался склон, на котором я обнаружил вросший в землю большой камень – мой камень. Часто, сидя на нем, я предавался странной метафизической игре, – выглядело это так: „Я сижу на этом камне, я на нем, а он подо мною“. Камень тоже мог сказать „я“ и думать: „Я лежу здесь, на этом склоне, а он сидит на мне“. Дальше возникал вопрос: „Кто я? Тот ли, кто сидит на камне, или я – камень, на котором он сидит?“ Ответа я не знал и всякий раз, поднимаясь, чувствовал, что не знаю толком, кто же я теперь. Эта неопределенность сопровождалась ощущением странной и чарующей темноты, возникающей в сознании. У меня не было сомнений, что этот камень тайным образом связан со мной. Я мог часами сидеть на нем, завороченный его загадкой».

Юнгу было в то время «от семи до девяти лет». А через тридцать лет он вновь побывал на том склоне. И «неожиданно снова превратился в того ребенка», который «сидел на камне, не зная, кто был кем: я им или он мной?». Его взрослая жизнь в Цюрихе показалась ему «чуждой, как весть из другого мира и другого времени. Это пугало, ведь мир детства, в который я вновь погрузился, был вечностью, и я, оторвавшись от него, ощутил время – длящееся, уходящее, утекающее все дальше. Притяжение того мира было настолько сильным, что я вынужден был резким усилием оторвать себя от этого места для того, чтобы не забыть о будущем».

Действительно, двусмысленная игра в «кто я, камень или тот, кто на нем», которой маленький Карл предавался, сидя на камне, – затягивает. И очень опасна. Ведь она лишает мир различий, все может оказаться всем. Недаром же взрослому Юнгу, когда он в начале 10-х годов 20-го века вернулся на это место, показались такими далекими жизнь в Цюрихе, научные штудии, дразги с Фрейдом, которые как раз тогда были в разгаре (см. далее). Юнг говорит: «Никогда не забуду это мгновение – будто короткая вспышка необыкновенно ярко высветила особое свойство времени, некую „вечность“, возможную лишь в детстве. Что это значило, я

узнал позже». И тут же переходит к истории, которая является продолжением его метафизических игр с камнем:

«Мне было десять лет, когда мой внутренний разлад и неуверенность в мире вообще привели к поступку, совершенно непостижимому. У меня был тогда желтый лакированный пенал, такой, какой обычно бывает у школьников, с маленьким замком и измерительной линейкой. На конце линейки я вырезал человечка, в шесть сантиметров длиною, в рясе, цилиндре и блестящих черных ботинках. Я выкрасил его черными чернилами, спилил с линейки и уложил в пенал... Еще я положил в пенал овальной формы гладкий черноватый камень из Рейна, покрасил его водяными красками так, что он казался как бы разделенным на верхнюю и нижнюю половины, и долго носил камень в кармане брюк. Это был его камень, моего человечка. Все вместе это составляло мою тайну, смысл которой я не вполне понимал. Я тайно отнес пенал на чердак (запретный, потому что доски пола там были изъедены червями и сгнили) и спрятал его на одной из балок под крышей. Теперь я был доволен – его никто не увидит! Ни одна душа не найдет его там. Никто не откроет моего секрета и не сможет отнять его у меня. Я почувствовал себя в безопасности, и мучительное ощущение внутренней борьбы ушло».

Юнг ошибается, если думает, что сделанное им – нечто уникальное. На самом деле у любого ребенка есть подобного рода потребность. А у советских детей это было даже любимой игрой. Всем, я думаю, известна игра в «секретики». Это когда ребенок роет ямку, кладет в нее какие-нибудь штучки, накрывает стеклышком, присыпает землей или листьями. И вот уже у него есть своя маленькая тайна, как и у Юнга. Правда, многие дети не очень свято хранят эту тайну. Не только сами ходят к своему секретнику, но и водят друзей, которые иногда потом секретик разоряют (что, в общем, тоже элемент игры). Игра может иметь варианты. Так, например¹, брат Льва Толстого Николенька спрятал на краю оврага «зеленую палочку», на которой написано, как сделать всех людей счастливыми, и в этом месте потом завещал похоронить себя Лев Николаевич. Многие дети, играя, хоронят в секретиках мертвых птичек, зверьков или шмелей и ходят к ним на могилку, как их родители ходят на Троицу к своим покойникам. Связь с культом мертвых в этом детском ритуале вполне просматривается.

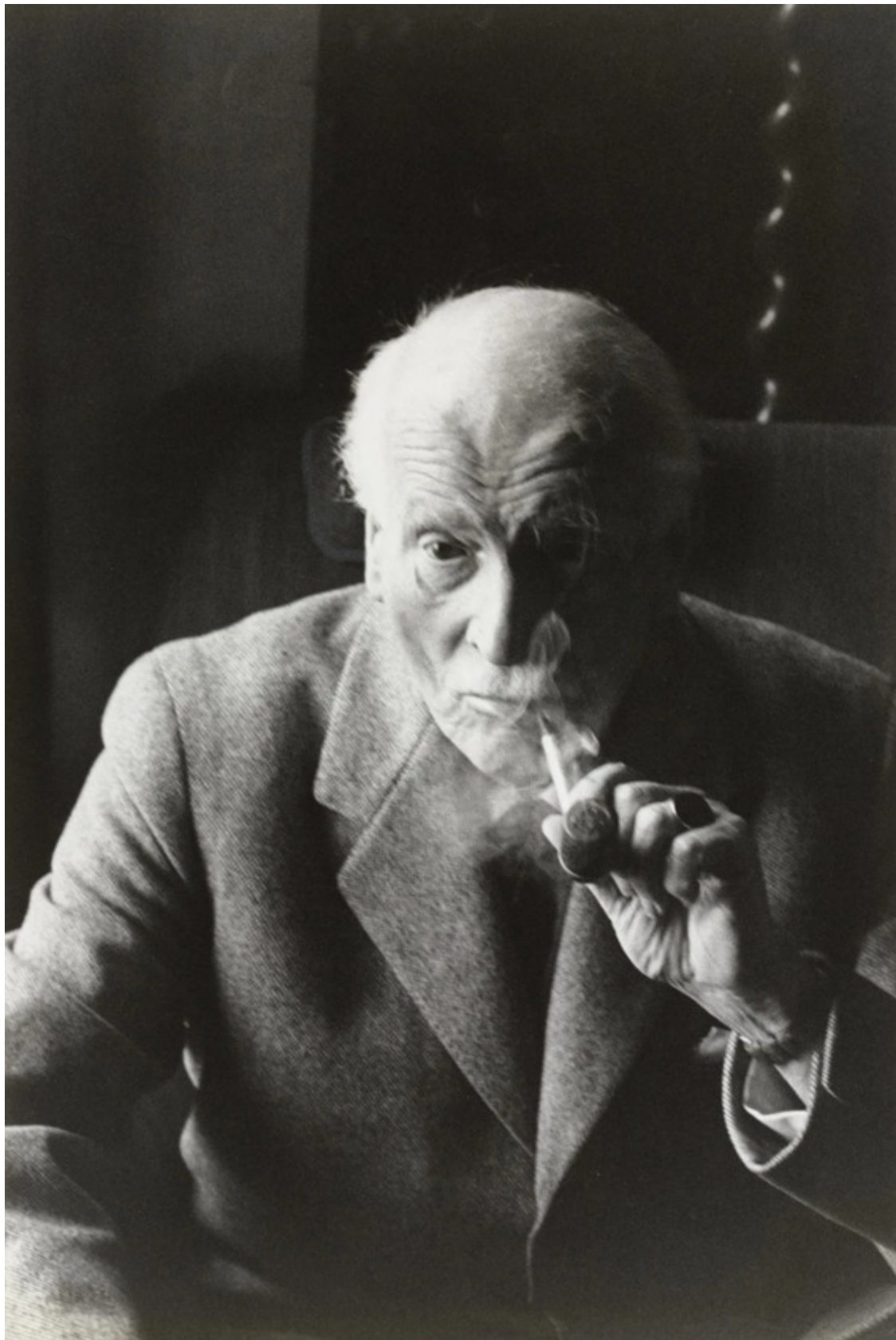
Когда Карлу Юнгу (вернемся к нему) бывало плохо, он тайком пробирался на чердак и смотрел на своего человечка и его камень, при этом клал внутрь пенала бумажку с каким-то текстом (не помнит каким). «Объяснить себе смысл этих поступков я никогда не пытался. Я испытывал чувство вновь обретенной безопасности и был доволен, владея тем, о чем никто не знал и до чего никто не мог добраться. То была тайна, которую нельзя было открывать никому, ведь от этого зависела безопасность моей жизни. Почему это было так, я себя не спрашивал. Просто было и все». При этом Юнг признается: «Владение тайной оказало мощное влияние на мой характер. Я считаю это самым значительным опытом моего детства. Точно так же я никогда никому не рассказывал о моем сне: иезуит тоже принадлежал к таинственной сфере, про которую – я это знал – нельзя говорить никому. Деревянный человечек с камнем был первой попыткой, бессознательной и детской, придать тайнам внешнюю форму».

Трудно не увидеть в этом «человечке с камнем» самого Карла, сидящего на камне и играющего в игру «кто я, камень или тот, кто на нем?» В сущности, сделав секретик, Юнг придал «внешнюю форму» в первую очередь своим взаимоотношениям с камнем (философским, как мы поймем, изучая Юнговскую алхимию). А уж к этому артефакту привязалось и все остальные детские тайны.

Опыт с деревянным человечком длился примерно год, а потом начисто забылся. И вспомнился только, когда 35-летний Юнг стал работать над книгой «Метаморфозы и символы либидо». Он собирал материалы о «кладбище живых камней» в Швейцарии, об австралийских амулетах, и вдруг ему представилось нечто знакомое: «В моей памяти возникли желтый пенал

¹ См. Места Силы. Том Пятый. Глава «Толстой и дерево»

и деревянный человек. Человек этот был маленьким языческим идолом». Но самое интересное то, что вместе с этим воспоминанием его «впервые посетила мысль, что существуют некие архаические элементы сознания, не имеющие аналогов в книжной традиции». То есть – мысль о том, что он позднее назовет «архетипами».

Карл Густав Юнг в старости, примерно когда он надиктовывал свои «Воспоминания, сновидения, размышления»

Главу о детстве Юнг заканчивает так: «Ребенком я совершал ритуал также, как, по моим позднейшим наблюдениям, это делали африканские аборигены; они тоже сперва что-то делали и лишь потом осознавали, что же это было». Впрочем, маленький Карл все-таки пытался уяснить себе, что с ним происходит: «Я был поглощен всем этим и чувствовал, что должен попытаться это понять, но не знал, что на самом деле хотел выразить. Я всегда надеялся, что смогу найти нечто такое (возможно, в природе), что даст мне ключ от моей тайны, прояснит наконец, в чем она заключается, т.е. ее истинную суть. Тогда же у меня возникла страсть к растениям, животным, камням».

Кал божий

Итак, секретик. Вот я что-то прячу, отделяю от себя какую-то частицу. И эта частица в земле (или на чердаке, не важно) прорастает, как зерно. Где-то там, вне меня, что-то происходит. Может, с материальным предметом как таковым и не происходит ничего сверхъестественного. Но прячу-то я не просто предмет, а некую сущность, которая лишь символически содержится в предмете. А на деле пребывает не только в нем и даже не только во мне, но – повсюду и нигде во времени и пространстве (такова природа всего духовного). Смысл секретика тот же, что и иконы, мощей, амулета. И любого божества, которое делает человек. Статуя Аполлона – это предмет, артефакт, в котором, тем не менее, живет божество, соединенное с материальным предметом. Технологий соединения может быть много, но сейчас не о них, а о самом принципе связи духовной сущности с материальным предметом, о точке опоры духа.

Секретик – это точка опоры для чего-то, что одновременно является мной и мной не является, то есть – вещь, в которой объективируется моя субъективность (какая-то ее часть). Я помещаю ее в предмет, отдаляю ее от себя. Но при этом периодически прихожу к ней и смотрю на нее. Общаюсь с ней, может быть, что-то ей говорю или, как Юнг, пишу. Для кого-то это молитва, для кого-то магия, для кого-то игра (часто подражательная: «другие так делают»). Но чем бы это ни было для ребенка (что бы он при этом ни думал), с ним в это время что-то происходит. Как минимум, он учится смотреть на себя (на что-то в себе) со стороны. И таким образом он приобретает опыт раздвоенности. Юнг пишет: «Когда становилось совсем плохо, я вспоминал о тайном сокровище на чердаке, и это помогало восстановить душевное равновесие, я думал о себе как о „другом человеке“ – человеке, владеющем тайной, о которой не знает никто: черным камнем и человечком в цилиндре и черном платье».

Дом, где жила семья Юнгов в Кляйн-Хюнингене. Это под Базелем

Думать о себе как о другом человеке – значит формировать в себе «другого», вызывать его, наблюдать, привыкать к нему. Юнг наблюдал в себе человека, владеющего тайной, и таким образом формировал в себе такового, становился им. Этот процесс вовсе не результат сознательных усилий человека. Тут действуют какие-то независимые от него силы. И в связи с этим становится более ясно то, что Юнг говорит о своем сне с фаллосом в подземелье²: «Этот сон посвятил меня в тайны земли. Это было своего рода захоронением в землю, и прошли многие годы, прежде чем я снова вышел наружу... В этот момент бессознательно началась моя интеллектуальная жизнь». Первый импульс был дан в три года, когда малец увидел во сне фаллос. Потом процесс продолжился в секретике на чердаке. Там со временем нечто вызревает, становится средоточием мыслей и упований, концентрирует их, выпаривается лишнее, а оставшееся синтезируется в особого рода единство... И вот вдруг что-то выпадает в осадок.

В свое время мы еще поговорим об алхимии в связи с секретиками, пока же просто будем наблюдать за тем, что происходит с Юнгом. «Мне исполнилось двенадцать лет, когда произошли события, в какой-то степени определившие мою дальнейшую судьбу, – пишет он. – Как-то в начале лета 1887 года я вышел из школы на соборную площадь и стал поджидать одноклассника, с которым обычно вместе возвращался домой». Вдруг налетел какой-то другой ученик и сбил Карла с ног. Падая, он ударился головой о тумбу и на миг потерял сознание. В момент удара в голове мелькнуло: «Теперь не надо будет ходить в школу».

Школу Юнг не любил (особенно – закон божий и математику). В «Воспоминаниях» он рассказывает о ней много чего нехорошего и между прочим замечает, что, может быть, что-то в нем самом и срежиссировало инцидент с ударом о тумбу. С тех пор у него начинались головокружения, и в моменты, когда надо было отправляться в школу или садиться за уроки, он падал в обморок. «Я не посещал занятия больше шести месяцев, что было мне на руку – теперь можно было ходить куда хочется, гулять в лесу или у реки, рисовать... Но все чаще я погружался в таинственный мир, которому принадлежали деревья и вода, камни и звери, и отцовская библиотека. Я все дальше уходил от мира действительного и временами испытывал слабые уколы совести. Я растрачивал время в рассеянии, чтении и играх. Счастья не прибавилось, зато возникло неясное чувство, что я ухожу от себя».

Закончился этот «уход», когда Карл подслушал разговор отца с приятелем: «Что будет с мальчиком, если он не сможет заработать себе на жизнь?» Юнг утверждает, что это было его первое столкновение с реальностью: значит, придется работать... И с этого момента «стался серьезным ребенком». Тут же отправился что-то зубрить, но минут через десять случился сильнейший из всех обмороков, которые он в те времена испытал. Почувствовав себя лучше, опять взялся за книгу. И опять обморок, потом еще. Но Карл не сдавался, продолжал занятия, пока не почувствовал, что победил. «Теперь я чувствовал себя лучше, и приступы больше не повторялись. Я ежедневно садился за грамматику и несколько недель спустя вернулся в школу. Головокружения прекратились. С этим было покончено навсегда! Но таким образом я узнал, что такое невроз».

² См. Том Шестой, главу «Her Jesus»

Базель

Невроз стал еще одной его детской тайной, причем – постыдной, поскольку Карл пережил его как поражение. Но зато, преодолевая его, развил в себе взрослое отношение к реальности. «Мне необходимо было убедиться, чего я стою, необходимо было быть добросовестным перед самим собой». Это перед каким же собой? Смотрите: человек «уходил от себя», а потом решил стать «добросовестным перед самим собой». При этом говорит: «То, что меня сломило и, собственно, привело к кризису, – это стремление к одиночеству, восторг от ощущения, что я один... Я уходил в природу, к ее основаниям – все дальше и дальше от человеческого мира».

Примечательно, что все время, пока длился этот «уход от себя» в свое «одиночество», Карл ни разу не вспомнил о человечке и камне в пенале на чердаке. Почему? Да потому что в момент удара о тумбу человечек переместился с чердака в голову мальчика, перестал быть внешним объектом (секретиком), стал субъектом, который и перестроил жизнь ребенка по собственному усмотрению, для своих (а не школьника Карла) целей. Действительно, ведь ходить к «сокровищу» имеет смысл лишь, когда оно является чем-то внешним, артефактом, к которому привязан внутренний процесс в душе человека (вещью, которая помогает человеку войти в определенное состояние, настроиться, ощутить что-то в себе). А после удара о тумбу – начался процесс проявления в душе того, что было объективировано в секретике (это процесс и выразился в неврозе). И мальчик уже не вспоминал о черной фигурке, ведь он сам теперь стал тем, что она символизировала. Только пока еще этого не осознавал.

«Обморочный невроз», как это называет Юнг (а мы скажем: «шаманская болезнь»), – нечто связанное с процессом формирования в душе ребенка новой структуры, которая однажды должна была быть осознана. Вот как это конкретно получилось: «Приблизительно тогда же со мной произошло еще одно важное событие. Я шел в школу... как вдруг в какой-то момент меня охватило чувство, будто я только что вышел из густого облака и теперь наконец стал самим собой! Как будто стена тумана осталась за моей спиной, и там, за этой стеной, еще не существовало моего „я“. Теперь же я знал, что оно есть. До этого я тоже существовал, но все, что случалось, случалось с тем „я“. Раньше со мной что-то делали, теперь это я делал что-то. Переживание было очень важным и новым: я обладал властью».

В тот момент Юнг еще не «осознал аналогию между чувством власти и чувством владения сокровищем» (ибо, как было сказано, напрочь забыл о своем секретике). Но связь между тем и другим, несомненно, существует. Вот только надо бы поточней уяснить, кто именно «обладал властью»: тот, кто «уходил в природу», или тот, кто хотел «быть добросовестным»? Посмотрим: «кажется тогда же» (в 1887 году, когда ранним летом начался невроз, а потом прорезалось новое «я») Карл гостил в доме одного знакомого их семьи и получил выговор от хозяина за какой-то (неважно) своевольный поступок. «Я был крайне огорчен, признавая, что сделал именно то, чего меня просили не делать, а значит, заслужил выговор. И тем не менее меня охватила ярость: как этот толстый, невежественный и грубый человек посмел оскорблять меня. Мое „я“ ощущало себя взрослым человеком, обладающим чувством собственного достоинства, человеком уважаемым и почтенным. Но контраст с реальностью был столь очевиден, что в какой-то момент я остановил себя: „А кто ты, собственно, такой? Реагируешь так, будто ты бог весть какая персона! И ведь сам понимаешь, что он совершенно прав. Тебе едва двенадцать, ты школьник, а он отец семейства, богатый, влиятельный человек“».

Положим, «я, остановившее себя», – это школьник. А кто здесь второй («ся», как мы говорили в другом месте³)? Вот ответ: «важная персона – человек, которым нельзя пренебрегать, столь же уважаемый и влиятельный, как хозяин дома. Этот „второй“ был пожилым человеком, он жил в восемнадцатом веке, носил туфли с пряжками и белый парик». Юнг приводит пару случаев, когда буквально отождествлял себя с человеком 18-го века и предполагает, что ощущения связаны с рассказами о его деде Карле Густаве Юнге (старшем). А может – с легендой о том, что настоящим отцом этого деда был сам великий Гете (прабабушка, мол, согрешила с поэтом).

Как бы то ни было, мальчик в тот момент понял: «Во мне две личности, два разных человека, живущих в разное время». И это его не обрадовало: «Я пребывал в крайнем замешательстве, мой мозг не справлялся с этим. Наконец я пришел к неутешительному выводу, что сейчас я все-таки всего лишь младший школьник, который заслужил наказание и должен вести себя соответственно возрасту. Тот другой, похоже, совершенная бессмыслица».

И все же «тот другой» явно действовал в Карле, вот полюбуйтесь: «В один из летних дней того же 1887 года я вышел из школы и отправился на соборную площадь. Небо было изумительным, и все вокруг заливал яркий солнечный свет. Крыша кафедрального собора, покрытая свежей глазурью, сверкала. Это зрелище привело меня в восторг, и я подумал: „Мир прекрасен, и церковь прекрасна, и Бог, который создал все это, сидит далеко-далеко в голубом небе на золотом троне и...“ Здесь мысли мои оборвались, и подступило удушье. Я оцепенел и помнил только одно: сейчас не думать! Надвигается что-то ужасное, то, о чем я не хочу думать, к чему не смею приблизиться. Но почему? Потому что совершу самый страшный грех».

Возвращаясь домой, он все повторял про себя: «Только не думать об этом!» Собственно, он еще и не знал, что собирается сделать бог на золотом троне, знал только, что – нечто ужасное, о чем даже думать грех. «В ту ночь мне плохо спалось. Снова и снова неведомая и запретная мысль врвалась в мое сознание, и я отчаянно пытался отогнать ее. Следующие два дня были сущим мучением... на третью ночь муки стали невыносимыми. Я проснулся как раз в тот момент, когда поймал себя на мысли о Боге и кафедральном соборе. Я уже почти продолжил эту мысль! Я чувствовал, что больше не в силах сопротивляться. Покрывшись испариной от страха, я сел в кровати, чтобы окончательно проснуться. «Вот оно, теперь это всерьез! Я должен думать. Это должно быть придумано прежде, чем... Но почему я должен думать о том, чего не знаю! Я не хочу этого, клянусь Богом, не хочу! Но кому-то это нужно? Кто-то хочет принудить меня думать о том, чего я не знаю и не хочу знать».

³ См. Том Пятый, главу «Шаманские экскурсии. Ростов. Я и Ся»

Ведь вот до чего доводят игры в секретники. Судя по дальнейшему, маленький Карл решил, что этот «кто-то» – есть Бог. Но это, конечно, не обязательно, мало ли разных существ, которые могут влиять на человека – например, черти всякого рода. Правда, Юнг отмечает, что не допускал даже мысли о дьяволе. «Дьявол играл такую незначительную роль в моем тогдашнем духовном мире, что в любом случае он представлялся мне бессильным в сравнении с Богом. Но с того момента, как мое новое „я“ возникло словно из туманной дымки и я начал осознавать себя, мысль о единстве и сверхчеловеческом величии Бога завладела моим воображением. Я не задавал себе вопроса, Сам ли Бог поставил меня перед решающим испытанием, все зависело лишь от того, правильно ли я пойму Его. Я знал, что в конце концов буду вынужден подчиниться, но страшился своего непонимания».

В конце концов Карл все же правильно понял желание бога, подчинился ему, позволил явиться своей грешной мысли. И – вот: «Перед моим взором возник кафедральный собор и голубое небо. Высоко над миром, на своем золотом троне, сидит Бог – и из-под трона на сверкающую новую крышу собора падает кусок кала и пробивает ее. Все рушится, стены собора разламываются на куски».

Крыша и внутренний двор Базельского собора

Видение достойное Гете! «Я почувствовал несказанное облегчение, – признается Юнг. – Вместо ожидаемого проклятия на меня снизошла благодать, а с нею невыразимое блаженство, которого я никогда не знал. Я плакал от счастья и благодарности. Мудрость и доброта Бога открылись мне сейчас, когда я подчинился Его неумолимой воле. Казалось, что я испытал просветление, понял многое, чего не понимал раньше, понял то, чего так и не понял мой отец, – волю Бога».

Конечно, Всевышний срать хотел на любые человеческие установления, в том числе – и на церковь как социальный институт, при помощи которого одни люди морочат голову другим. Но то – истинный Бог, а бог христиан – совсем другое. Карл уже и раньше это понимал: «С Богом нельзя было обращаться так фамильярно, как с Христом, который не являлся ничьей „тайной“. В моей голове возникла очевидная аналогия с секретом на чердаке». А поле того,

как Бог отбомбился по крыше (тут тоже чердак) собора иудео-христианского бога, мальчик понял еще и то, что Бог способен быть чем-то ужасным. «Это была страшная тайна, и чувство, что я владею ею, наложило тень на всю мою жизнь».

Юнг умел хранить тайны. Ему даже в голову не приходило рассказать кому-нибудь «сон о фаллосе или про вырезанного из дерева человечка». До самой старости он никому не рассказывал и о видении бога, обрушившего собор. «Всю мою юность можно понять лишь в свете этой тайны, – сказано в „Воспоминаниях“. – Из-за нее я был невыносимо одинок. Моим единственным значительным достижением (как я сейчас понимаю) было то, что я устоял против искушения поговорить об этом с кем-нибудь. Таким образом, мои отношения с миром были предопределены».

Да, хорошо, что не поговорил. Ведь игра в секретники предполагает также поиск чужих секретиков и разорение их... Вот ты приходишь к заветному месту и видишь: стеклышко разбито, а твой амулет уничтожен. Кто-то случайно растоптал его, или нарочно хотел тебе досадить, или в нем вдруг разыграл инстинкт разрушителя? Как бы ни объясняли это дети, а разрушитель секретика совершает магический акт: уничтожает твой артефакт, а вместе с ним – и частицу души, которую ты в него вложил. Такая вредоносная магия направлена на то, чтобы уничтожить нечто в тебе, убить силу, которую ты в себе выращиваешь, искоренить какую-то потенцию твоего развития. Так обычно поступают воспитатели и учителя. Именно поэтому им ничего и нельзя рассказывать (говорю как дитя). Юнг не рассказал о соборе, и вот результат: «У меня наконец появилось нечто реальное, составлявшее часть моей великой тайны, будто я всегда говорил о камнях, падающих с неба, и теперь держу в руке один из них».

«Позже мать рассказывала мне, что в те дни я часто пребывал в угнетенном состоянии. В действительности это было не совсем так, скорее я был поглощен своей тайной. Тогда я сидел на своем камне – это необыкновенно успокаивало и каким-то образом излечивало от всех сомнений. Стоило представить себя камнем, все становилось на свои места: „У камня нет проблем и нет желания рассказывать о них, он уже тысячи лет такой, какой есть, тогда как я лишь феномен, существо преходящее; охваченный чувством, я разгораюсь, как пламя, чтобы затем исчезнуть“. Я был лишь суммой всех моих чувств, а Другой во мне был вне времени, был камнем».

Дальше поговорим и о том, и о «Другом».

Нечто потустороннее

«В глубине души я всегда знал, что во мне сосуществуют два человека, – говорит Юнг. – Один был сыном моих родителей, он ходил в школу и был глупее, ленивее, неряшливее многих. Другой, напротив, был взрослый – даже старый – скептический, недоверчивый. Удалившись от людей, он был близок природе, земле, солнцу, луне; ему ведомы были все живые существа, но более всего – ночная жизнь и сны».

Но это скорей взгляд Юнга, скрывшегося под старость в своей знаменитой башне на берегу Цюрихского озера и диктующего Аниэле Яффе свои «Воспоминания». А как воспринимал эту двойственность ребенок? «Тогда я не видел различия между „я“ первым и „я“ вторым, кроме того, что мир второго „я“ был только моим. И все же меня никогда не покидало чувство, что в том втором мире было замешано что-то еще помимо меня». Что же именно? Вот: «Будто невидимый дух витал в моей комнате – дух кого-то, кого давно нет, но кто будет всегда, кто существует вне времени. В этом было нечто потустороннее».

Семья Юнгов. Отец Иоганн Пауль Юнг (здесь он похож на Фрейда), мать Эмилия (в девичестве Прейсверк), сестра Иоганна Гертруда и сам Карл

Ради удобства и ясности Юнг называет две части своей души просто «номер 1» и «номер 2». Но, скажем прямо, не так уж много этим проясняет. То есть мы можем, конечно, предположить, что «номер 1» – это социальная личность, которая вырабатывается из указаний и запретов взрослых, «персона» (как впоследствии Юнг будет говорить), приспособленная для жизни в обществе. А «номер 2» – нечто природное, то, при помощи чего человек может видеть невидимое и переживать то, что недоступно «номеру 1». Однако это слишком общо. И к тому же:

что это значит в конкретном случае Юнга? Чтобы это понять, обратимся к прямым его впечатлениям. Вот он (очевидно, «номер 2») говорит:

«Мне казалось, что горы, реки, озера, прекрасные деревья, цветы и звери с большим правом могут называться Божьими подобиями, нежели люди с их смехотворными одеждами, с их бестолковостью и тщеславием, лживостью и отвратительным эгоизмом – со всем тем, что я так хорошо узнал в себе, то есть в моем „номере 1“, школьнике из 1890 года. Но существовал и другой мир, и он был как храм, где каждый забывает себя, с удивлением и восторгом постигая совершенство Божьего творения. В этом мире жил мой „другой“, который знал Бога в себе, знал Его как тайну, хоть это была не только его тайна. Там, в этом мире, ничто не отделяло человека от Бога. Там все было так, будто дух человеческий был с Богом заодно и глядел вместе с ним на все созданное».

А вот как каждый из них воспринимает другого (а заодно – и Карла): «„Номер 1“ считал меня малосимпатичным и довольно посредственным молодым человеком... „Номер 2“ видел в „номере 1“ тяжелую и неблагоприятную моральную проблему, особь, отягощенную множеством дефектов... „Номер 1“ рассматривал „номер 2“ как мрачное царство своего подсознания. „Номер 2“ сам себе казался камнем, однажды заброшенным на край света и бесшумно упавшим в ночную бездну. Но в нем самом царил свет»... При этом два существа души Юнга как будто несовместимы: «Когда „старец“ присутствовал, мой „номер 1“ как бы исчезал, и, наоборот, когда на сцену выходил „номер 1“, „старец“ превращался в далекую и нереальную мечту».

Как их совместить – это задача, которую Юнг осознает с годами и опишет как процесс индивидуации (в свое время мы и об этом поговорим), а сейчас пока молодой человек выбирает профессию. Его интересуют естественные науки, но и – науки о человеке. Компромисс – медицина. Но на учебу нужны деньги. И вообще, надо делать что-то практическое... В это время Юнгу снится сон: незнакомое место, туман, в котором он идет навстречу почти ураганному ветру. В его руках маленький огонек, готовый погаснуть. И все зависит от того, удастся ли его сохранить. Вдруг – чувство, что кто-то идет за ним попятам. Сновидец оглядывается, видит огромную черную фигуру и тут же понимает, что, несмотря на весь ужас, должен пронести и спасти свой маленький огонек.

Кляйн-Хюненген под Базелем, куда Юнги переехали в 1884 году. В глубине за деревьями церковь, в которой служил отец Карла

Напомню, что история камня⁴, на котором маленький Юнг предавался игре «кто я, камень или тот, кто на нем», непосредственно связана с историей о костерке, который он жег с товарищами, но считал – только своим. Теперь во сне он несет свой огонек, а сзади черная фигура. Проснувшийся Карл сразу сообразил, что эта фигура – «всего лишь его собственная тень на облаке, созданная игрой света того огонька». Пройдет время, и в аналитической психологии «тень» станет одной из фигур бессознательного. А мы сейчас запоем на будущее, что в детских играх Юнга где-то рядом с огоньком (необходимым условием тени) маячит камень, всплывающий так или иначе во всех метаморфозах его второго «я».

Тогда же, проснувшись, Карл понял еще одну вещь: этот огонек «был моим сознанием, моим единственным сокровищем. И хоть в сравнении с силами тьмы огонь мал и слаб, все же это – свет, мой единственный свет». Практический вывод: «Теперь я знал, что „номер 1“ был носителем света, а „номер 2“ следовал за ним как тень. И моей задачей было сохранить свет, не оглядываясь на *vita peracta* – на то, что закрыто для света. Я должен идти вперед, пробиваться сквозь отбрасывающий меня назад ветер, идти в неизмеримую тьму мира, где нет ничего, где мне видны лишь внешние очертания, зримые и обманчивые, того, что невидимо и скрыто. Я, мой „номер 1“, должен учиться, зарабатывать деньги, должен жить, побеждая трудности, заблуждаться и терпеть поражения».

⁴ См. главу «Her Jesus»

Старое здание Базельского университета

В студенческие годы жизнью Юнга рулил в основном «номер 1»: лекции, сходки общества «Zofingia», вылазки на природу, пирушки, философские споры... Но уже в конце второго семестра в его руки попала книга о спиритизме. Прочитав ее, он увидел, что изложенное напоминает то, что он часто слышал в детстве. «Материал был, конечно, подлинный, – отмечает он, – но возникал другой важный вопрос: были ли эти явления правдивы с точки зрения естественных законов, – ответить на него с уверенностью я не мог. Но все же мне удалось установить, что в разное время в разных концах земли появлялись одни и те же истории... Скорее всего, следовало предположить, что здесь не обошлось без определенных объективных свойств человеческой психики».

Однако об этом как раз в книге ничего не было. И тогда студент стал читать «Грезы духовидца» Канта, от него перешел к Сведенборгу. Позднее увлекся философией бессознательного Эдуарда фон Гартмана, стал читать Ницше. В Заратустре Юнг увидел «номера 2» автора (как до того увидел в Фаусте «номера 2» Гете) и подумал: а не был ли его собственный «номер 2» столь же болезненным, как «номер 2» Ницше? «Мысль об этом переполняла меня ужасом, и я долгое время отказывался признать это; но она появлялась снова и снова в самые неожиданные моменты, и каждый раз я ощущал физический страх». В Базеле многие еще помнили Ницше и много чего могли рассказать о его душевной болезни. Это отпугивало. «Как „Фауст“ в свое время приоткрыл для меня некую дверь, так „Заратустра“ ее захлопнул, причем основательно и на долгое время».

*Студиоз Карл Юнг с товарищами.
Он над парнем, который лежит слева от бочки*

Где-то с конца 1898 года Юнг стал думать о выборе специальности: хирургия или терапия? В разгар этих раздумий, во время летних каникул он сидел в своей комнате и читал. В столовой за прикрытой дверью мать что-то вязала. Вдруг страшный треск. Карл бросился к матери. Она, заикаясь, спросила: «Ч-что случилось? Это было прямо возле меня». И указала на стол. Столешница была до середины расколота. Юнг: «Я лишился речи. Как такое могло случиться? Стол из прочного орехового дерева, который сох в течение семидесяти лет, – как мог он расколотся в летний день при более чем достаточной влажности?» Он еще подумал: «Странные вещи случаются». А мать на это своим «вторым» голосом ответила: «Да, да, это что-то да значит».

Тут надо пояснить, что мать Юнга тоже обладала мощным «номером 2». Я рассказывал о том, как амбивалентно она учила сына молитвам, как двусмысленно изъяснялась во снах, как из ее комнаты выходило привидение. К этому стоит добавить, что Юнг часто описывает ее как существо двойственное.

Например: «Взгляды ее были вполне традиционными для человека ее положения, однако ее бессознательное нередко обнаруживало себя, и тогда возникал образ мрачный и сильный, обладающий абсолютной властью и как бы лишенный физического тела. Мне казалось, она состояла из двух половинок, одна безобидная и человеческая, другая – темная и таинственная. Эта вторая обнаруживала себя лишь иногда, но всякий раз это было неожиданно и страшно. Тогда она говорила как бы сама с собой, но все ею сказанное проникало мне в душу, и я совершенно терялся». И далее: «Двойственная природа матери была одной из главных причин моих

ночных кошмаров. Днем ласковая, по ночам она казалась странной и таинственной, являясь мне страшным всевидящим существом – полузверем, жрицей из медвежьей пещеры, беспощадной как правда и как природа». В общем, трудно отделаться от подозрения, что Карл унаследовал своего «номера 2» именно от нее.

После того, как треснула столешница, прошло две недели. Вернувшись однажды домой, Юнг нашел домочадцев в форменной панике. Оказывается, опять был грохот, на сей раз он исходил от буфета (тоже старинная вещь). Стали смотреть. На самом буфете трещин не нашли, зато внутри обнаружили нож с разломанным на куски лезвием. Литейщик, к которому Юнг показал обломки, сказал: «Этот нож в полном порядке, в стали нет никаких дефектов. Кто-то умышленно отламывал от него кусок за куском. Это можно сделать, если зажать лезвие в щели выдвижного ящика или сбросить его с большой высоты на камень. Хорошая сталь не может просто так расколоться. Кто-то подшутил над вами». Кто бы это мог быть? Юнг говорит, что, когда раздался треск, в комнате были мать и сестра. И замечает: «„Номер 2“ моей матери с напряжением всматривался в меня».

Это тот самый нож. Юнг его сохранил

Дальше Юнг говорит, что через несколько недель после этих событий он узнал, что некие его родственники увлекаются спиритизмом. У них был медиум, пятнадцатилетняя девушка. В «Воспоминаниях» нет ее имени. И вообще, в связи с этой историей Юнг напускает туману. А между тем девушка-медиум – это двоюродная сестра Карла по материнской линии Хелен Прейсверк, Хелли. Среди Прейсверков едва ли не каждый был обладателем «номера 2» и духовидцем. Так, отец матери Юнга Самуил Прейсверк во время проповедей (он был священником) ставил своих детей позади себя, чтоб отгоняли витающих вокруг него духов. Его жена Аугуста (бабушка Юнга) периодически впадала в трансы, выходя из которых пророчествовала. Об их дочери Эмилии Юнг я уже говорил. Вот и Хелен, внучка Самуила и Аугусты, оказалась медиумом.

Деды и бабки Карла. Слева – Самуил Прейсверк и его жена Аугуста; справа – Карл Юнг и его жена София

Судя по книге «Медиум К. Г. Юнга», написанной Стефанией Замстейн-Прейсверк (племянницей Хелли), первый сеанс спиритизма, в котором участвовал Карл, прошел еще в июне 1895 года (а не в августе 1899, после инцидентов со столом и ножом). Дело было в доме Юнгов, за тем самым столом, который потом треснул (чего ж удивляться). И участвовали в нем, кроме

Карла, его мать и две кузины – Луиза и Хелен. Последняя проявила себя как потрясающий медиум. Через нее говорил тот самый дедушка Самуил, от которого надо было отгонять духов. Его голосом девочка предрекла ужасные вещи, которые вскоре сбылись. Мы не будем вдаваться в эти детали. Достаточно будет сказать, что в 1895 году сеансов было три (последний в конце августа), а потом они прекратились. В сентябре умер отец Хелли, и ее дядюшка запретил чертовщину под предлогом, что девочке надо готовиться к конфирмации. А уже в январе умер также и отец Карла, и студенту, у которого на руках остались мать и сестра, стало не до спиритизма.

И вот новая серия опытов. Длилась она года два, пока Хелли не выдохлась как медиум. В какой-то момент Юнг заметил, что она «пытается имитировать спиритический феномен, т.е. попросту мошенничает», и прекратил наблюдения. О чем потом сожалел, «потому что на этом примере понял, как формируется „номер 2“, как входит в детское сознание alter ego и как оно растворяется в нем». Тем не менее этот опыт не прошел даром. Юнг описал семь сеансов с кузиной в своей диссертации «К психологии и патологии так называемых оккультных феноменов» (опубликована в 1902).

Вообще, в этом тексте в зачатке уже есть едва ли не все, что потом будет открыто Юнгом на протяжении жизни. Нам сейчас интересно описание «номера 2» Хелли (которая зашифрована в диссертации как С.В.): «В то время, когда я был близко знаком с С.В., она вела довольно странное, полное противоречий существование, своеобразную двойную жизнь – жизнь разных личностей, чередующихся или сосуществующих рядом и постоянно оспаривающих позиции одна у другой». Чувствуется, что это «странное» существование знакомо автору по собственному опыту, хотя и не такому интенсивному, как у Хелли. Ничего, у него еще все впереди. Вот в 1913 году начнется его знаменитая «встреча с бессознательным», тогда и через Карла будут говорить духи. И мы вместе с ним их ясно увидим, листая «Красную книгу».

А в диссертации, как и положено в объективном исследовании, Юнг описывает «номера 2» Хелли со стороны, с точки зрения «номера 1», который в то время в нем возобладали. И получается (заголовок раздела про Хелли): «Случай сомнамбулизма у женщины с отягощенной наследственностью (спиритического медиума)». «Номер 1» Карла изображает «номера 2» кузины как состояние, в котором она галлюцинирует, совершает всякие автоматические движения и произносит слова под воздействием духов, которые, правда, называются по-научному: то «сомнамбулическими личностями», то «подсознательными личностями», а то и как-то еще. Терминология еще не установилась. Но видно, что «номер 2» – это не какое-то одно существо, а множественность. Через Хелли вещает то одна личность, то другая, то третья, и в конце концов их набирается целая туча. Но ведь и «номер 2» Юнга тоже мог быть разным. То человеком, похожим на Гете, то богом, испражняющимся на собор, то кем-то из средневековья (вроде Фауста), то камнем (см. предыдущую главу). В дальнейшем мы увидим еще немало других состояний второго «я» аналитика.

Карл Юнг в старости на берегу Цюрихского озера в Боллингене

А сейчас вернемся к студенту, который во время этих спиритических сеансов еще даже и не думал, что станет психиатром, готовился стать терапевтом. Психиатрию в то время скорей презирали. И Юнг – тоже. Готовясь к выпускному экзамену, он взялся за учебник по этой дисциплине в самую последнюю очередь. «Я начал с предисловия, рассчитывая узнать, на что опираются психиатры, чем они вообще оправдывают существование своего предмета». И обнаружил интересное. Например, что психоз – «болезнь личности». От волнения студент аж вскопчил: «Меня будто озарило на мгновение, и я понял: вот она, моя единственная цель, – психиатрия. Только здесь могли соединиться два направления моих интересов... Наконец, я нашел область, где взаимодействие природы и духа становилось реальностью».

Решение было принято. Дальше все складывалось так, как бывает, когда – раз, и пошёл. Юнг как раз излагает это в терминах шаманской теории потоков⁵: «Получилось так, будто два потока слились воедино и неумолимо несли меня к далекой цели. Уверенное ощущение себя как „цельной натуры“ словно на магической волне перенесло меня через экзамен».

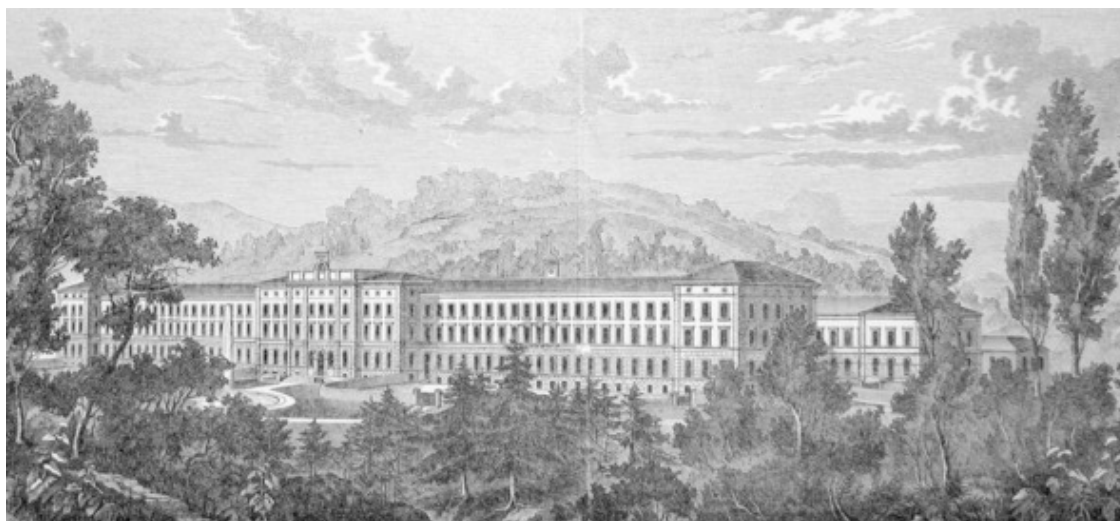
Уже 10 декабря 1900 года он начал работать ассистентом в психиатрической клинике Бургхольцль под Цюрихом.

⁵ См. Том Четвертый. Главу «Шаманские экскурсии. II (1)»

Выпустить птичку

Итак, в конце 1900 года Карл приступил к работе в психиатрической клинике Бургхольцль при Цюрихском университете, которой руководил Эйген Блейлер. В «Воспоминаниях» Юнг сообщает, что в те времена «работа психиатра заключалась в следующем: абстрагировавшись в возможно большей степени от того, что говорит пациент, врач должен был поставить диагноз, описать симптомы и составить статистику». Психология пациента «никого не интересовала». Никто из коллег не мог ответить на вопрос: «Что же происходит с душевнобольным человеком?» И только когда Юнг прочитал труды Фрейда, кое-что начало проясняться: «Его концепции указали мне путь и помогли как в моих последующих исследованиях, так и в понимании каждого конкретного случая. Фрейд подошел к психиатрии именно как психолог».

Такой подход означал не просто наблюдение за расстройством, но – проникновение в проблему личности, в ее историю, в смысл болезни. «За психозом, я считаю, стоит общая психология личности. Мы находим здесь все те же вечные человеческие проблемы... При детальном изучении в основе умственных расстройств мы не обнаружим ничего нового и неожиданного, а столкнемся с теми же вещами, которые лежат в основе нашего собственного существования», – говорит Юнг и в подтверждение этому приводит много примеров из собственной практики. Мы сейчас рассмотрим один пример, который сам аналитик как раз и не приводит, ибо он касается его лично.

Клиника Бургхольцль под Цюрихом

В начале мая 1908 года в Бургхольцль для лечения от наркомании поступил Отто Гросс, сын знаменитого создателя научной криминалистики Ганса Гросса. Отто был видным участником психоаналитического движения, его ценил Фрейд, называл, наряду с Югом, единственными, «кто может внести свой оригинальный вклад» в психоанализ. Идеи и методы Гросса были оригинальны. Он связывал психоанализ с нищезанятием, проповедовал свободную любовь, практиковал полигамию, выносил психоанализ из тиши кабинета. Бывало, обсыпанный кокаином и табачным пеплом, он ночи напролет проводил сеансы психоанализа среди завсегдатаев мюнхенского кафе Стефании. Требовал от богемных забулдыг (анархистов и дадаистов) отдаваться инстинктивным позывам. И сам же показывал пример: соблазнял женщин, пожирал наркотики в устрашающих дозах... Вот и попал в клинику, где им занялся доктор Юнг.

О состоянии Гросса можно судить по клиническим заметкам лечащего врача. Например: «Благодаря ежедневным напоминаниям он хотя бы по разу в день моет руки и перестал пачкать свою одежду пищей и пеплом от сигарет. Во время, свободное от анализа, он не занимается ничем, кроме рисования младенческих картинок». При этом Юнг добавляет, что больной настаивает, что «у него огромный талант к рисованию». И вот полюбуйтесь: «Изрисовал наружную сторону двери в свою комнату странными рисунками. Иногда расхаживает по кругу, а так обычно проводит целый день, сидя или лежа на кровати в любой позе, какую только можно вообразить, например: голова под подушкой или ноги на ней. Совершенно непродуктивен». Еще: «Он все время пишет, но вовсе не письма. Несмотря на многократные требования, он не в состоянии изложить результаты своего анализа в письменной форме. Лишь раз он смог сформулировать пару предложений, имеющих психологический смысл».

Кафе Стефании в Мюнхене

Вообще-то Юнг познакомился со своим пациентом несколько раньше, на конгрессе психиатров и неврологов, прошедшем в сентябре 1907 года в Амстердаме. И тогда же написал Фрейду: «Д-р Гросс рассказывал, что он кладет конец переносу, превращая пациента в сексуально аморального человека. По его словам, перенос на аналитика и его жесткая фиксация являются не более чем проявлением моногамии и, как таковые, должны считаться регрессивными симптомами. Подлинно здоровое состояние для невротика – это сексуальная распушенность. В результате он связывает Вас с Ницше».

Слово «перенос» здесь следует понимать как термин, означающий фиксацию либидо пациента на аналитике. Примерно за год до того Фрейд объяснил неискушенному еще в тонкостях анализа Юнгу: «Вы, вероятно, уже поняли, что излечение нашим методом происходит в результате фиксации либидо, ранее имевшего бессознательную форму. Это и есть перенос... По сути дела, излечение происходит через любовь. Перенос является самым убедительным и, я бы даже сказал, единственным неопровержимым доказательством того, что неврозы вызываются любовной жизнью индивида».

В 1947 году Юнг издаст книгу «Психология переноса», где детально рассмотрит этот феномен с точки зрения алхимии. А пока он делает только первые шаги в его понимании. И в случае с Гроссом это выглядит интересно.

Слева Карл Юнг, справа Отто Гросс

Поначалу неопрятный гений не вызвал у Юнга особых симпатий, но постепенно процесс анализа захватил его. Позже Юнг напишет Фрейду: «Я пожертвовал ему дни и ночи». Но уже 25 мая сообщает учителю: «Где бы я ни появлялся, Гросс анализировал меня». И добавляет: «В этом плане речь шла о пользе уже для моего собственного психического здоровья». И объясняет, что Гросс «прекрасный малый, в сопоставлении с которым можно попутно понять и свои собственные комплексы». И наконец: «В Гроссе я обнаружил множество аспектов моей подлинной природы, причем в таком количестве, что порой он выглядит как мой брат-близнец (если не считать dementia praecox)». Dementia praecox («раннее слабоумие»), которым Гросс, якобы, отличался от Юнга, – это тогдашнее название шизофрении. Юнг как раз в 1907 году опубликовал большой текст «О психологии Dementia praecox» и думал, что знает, о чем говорит.

Письмо к Фрейду, где Юнг говорит, что обнаружил в Гроссе множество аспектов своей собственной природы, было написано 19 июня. А за два дня до этого Отто перемахнул через ограду клиники и был таков. Больше они с Юнгом уже никогда не встречались. Но их общение в Бургхольцле имело серьезные последствия.

Как мы видели, Гросс анализировал анализирующего его Юнга. Так бывает: пациент пытается анализировать аналитика, то есть – копается в его душе, деформируя ее. Аналитик должен это учитывать, иначе получится то, что Фрейд описывает еврейским анекдотом о том, как священник приходит к страховому агенту, чтобы обратить его перед смертью, а в результате выходит от него застрахованным. В случае психоаналитического лечения Гросса Юнгом получилось нечто похожее. Гросс остался при своих (продолжил вести беспутную жизнь и умер в 1920 году в Берлине). А Юнг излечился от некоторых буржуазных предрассудков. Каких? А вот посмотрим.

В конце августа 1908 года одна пациентка получила от нашего Карла письмо, которое начиналось словами: «Любимая! Только что я получил Ваше дружеское письмо, и у меня возникло впечатление, что Вы чувствуете себя в Ростове не совсем хорошо. Понимаю Вас. Я благодарен Вам за Ваши добрые любимые слова. Теперь я вновь совершенно спокоен».

*Слева Зигмунд Фрейд, справа Эйген Блейлер
(это он ввел термин «шизофрения»)*

Вообще-то, это скандал. Аналитик не должен позволять переносу выливаться в любовные отношения, тем более – в секс. Это распущенный Гросс мог класть «конец переносу, превращая пациента в сексуально аморального человека». А Фрейд это считал недопустимым. И Юнг до анализа Гросса (все-таки непонятно, кто кого из них, собственно, анализировал) не позволял себе, насколько известно, интрижек. И вот вдруг сорвался. В декабре 1908 он пишет той же адресатке: «Я во многом теперь раскаиваюсь, раскаиваюсь в моей слабости и проклинаю судьбу... Простите ли Вы мне то, что я таков, каков есть? Что я оскорбляю Вас этим и забыл по отношению к Вам обязанности врача?... Мое несчастье заключается в том, что в своей жизни я не могу обходиться без бурной, вечно меняющейся любви... Предоставьте мне в это мгновение немного от той любви и терпенья, которые я предоставлял Вам во времена Вашей болезни. Теперь болен я». О как мучается аналитик!

Девушку звали Сабиной Шпильрейн, она родилась в 1885 году Ростове-на-Дону. Ее отец, богатый коммерсант, случалось, бил девочку, бывал с ней груб и что-то сломал в ее психике. В августе 1904 года юная ростовчанка поступила в клинику Бургхольцль и провела в ней почти год. Лечащим врачом Сабины был Юнг. Он и потом, после выписки продолжал пользоваться девушкой амбулаторно. Шпильрейн была первой пациенткой, которую Юнг лечил методом психоанализа. Начал еще до личного знакомства с Фрейдом, пользовался его текстами. Потом по почте консультировался с ним, не называя пациентку по имени. Уже во втором письме к учителю (октябрь 1906) пишет о проблемах русской пациентки:

Дом в Ростове-на-Дону, где жило семейство Шпильрейн и родилась Сабина

«Первая травма между 3-м и 4-м годами жизни; видела, как отец шлепает ее брата по голому задку. Мощное впечатление. Не могла впоследствии отделаться от мысли, что она испражняется на руку своего отца. В 4—7 лет судорожные попытки дефекации на свою собственную ногу, следующим манером: садилась на пол, поджимая ногу под себя, нажимала пяткой на анус и делала попытку дефекации, в то же время препятствуя ей. Часто задерживала стул на срок более 2 недель. Не имеет понятия о том, как она набрела на это своеобразное занятие. Говорит, что делала это совершенно инстинктивно и что это сопровождалось чувством блаженства и дрожью. Позднее это явление сменилось энергичной мастурбацией. Я буду крайне благодарен, если Вы в нескольких словах сообщите мне Ваше мнение об этом случае».

Фрейд что-то отвечал. Но дело не в этом, дело в том, что уже в сентябре 1905 году Сабина влюбилась в своего лечащего врача настолько, что тот попытался избавиться от нее, сплавить к пока еще незнакомому ему лично Фрейду. Дал матери Сабины письмо для передачи последнему, в котором писал: «Во время лечения пациентка к сожалению в меня влюбилась. Теперь она демонстративно и с огромной увлеченностью постоянно рассказывает матери о своей любви, причем немалую роль тут играет тайная хулиганская радость от ужаса, испытываемого матерью при чтении написанных ею писем. Поэтому мать теперь хочет, при первой же необходимости, поменять лечение, с чем я, естественно, согласен». В том же письме Юнг между прочим называл отца с матерью Шпильрейн истериками. Мать письмо вскрыла, прочла, оскорбилась и Фрейду не передала.

Николай Аркадьевич и Ева Марковна, отец и мать Сабины Шпильрейн. Сабина Шпильрейн

Короче, Юнг пытался спастись. И он бы спасся, если бы ему удалось дистанцироваться от пациентки. Но она поступила в Цюрихский университет, где он оказался ее преподавателем. И периодически продолжал заниматься с ней психоанализом. В 1907 году Юнг пишет Фрейдю (по-прежнему не называя Сабину): «Одна пациентка-истеричка рассказала мне стихи Лермонтова, которые постоянно крутятся в ее голове. Стихотворение об узнике, единственный товарищ которого – птица в клетке. Узник живет только одним желанием: дать свободу какому-нибудь живому существу. Он открывает клетку и выпускает свою любимую птичку на волю. Каково же основное желание пациентки? „Когда-нибудь я сама хочу помочь человеку обрести полную свободу благодаря психоаналитическому лечению“. В своих мечтах она объединяет себя со мной. Она признается, что на деле главной ее мечтой является родить от меня ребенка, который воплотил бы ее неосуществимые желания. Для этой цели я, естественно, должен сначала сам „выпустить птичку“».

Карл Густав Юнг на пороге клиники Бургхольцль. 1910

Речь тут, конечно, о Пушкине, а не о Лермонтове, но это мелочь. Важно то, что Юнг свою птичку пока что не выпустил. Выпустит где-то через год, вскоре после (или еще в ходе) курса анализа, который он проведет с Отто Гроссом. В дневнике Сабины момент, когда Юнг «выпускает птичку», описан так: «Он хотел показать мне, что мы друг для друга совершенно чужие люди, и что снова искать встречи с ним будет для меня унижительно. Однако я решила снова пойти в следующую пятницу, но держаться сугубо профессионально. Дьявол шептал мне другое, но я больше не слушала его. Я сидела там в глубокой депрессии. Тут появился он, сияя от удовольствия, и начал очень эмоционально рассказывать мне о Гроссе, об инсайте, которого он недавно достиг (то есть о полигамии); он больше не желает подавлять свое чувство ко мне, он признает, что я для него первая и самая дорогая женщина, за исключением, конечно, жены, и т. д. и т. д., и что он хочет все рассказать о себе».

Слева направо Сабина, Ева Марковна и Эмилия Шпильрейн

И вот началась любовь, переписка, о которой я выше упоминал. После того, как Сабина вернулась из Ростова в Цюрих, на ее адрес в России пришло еще одно письмо от Юнга. О, любящее сердце еврейской матери! Она, конечно, вскрыла письмо и пишет дочери: «Я была настолько взволнована, что не могла прочитать ни слова. Тысячу раз прошу меня простить за то, что я вскрыла конверт. Я сделала это только потому, что была уверена в том, что ты и сама дала бы мне прочесть письмо. Я попросту должна знать, как он думает поступить с тобой, так как все мое настроение полностью зависит от этого».

Вообще-то, письмо молодого человека успокоило мать: «Оно говорит о преданной дружбе с некоторой примесью чего-то другого, что наверняка никак иначе как естественным не назовешь, – излагает она письмо влюбленного Карла и наставляет дочь: – Скорее всего, он

пребывает сейчас в путях конфликта, мой совет тебе и ему: не позволяйте любви захватывать власть над вами, подавляйте ее, чтобы она не вспыхнула в полной силе». А дальше пикантно: «Сними для себя красивую комнату, пригласи его и напиши мне, как прошла ваша встреча. Ты можешь даже говорить с ним о любви, но не уклоняйся от своей позиции, это может послужить тебе хорошим уроком. Пока ты можешь не скрывать своих чувств».

Мать предвкушает много волнительного и готовится участвовать в романе. Дочь отвечает ей в психоаналитическом духе: «Совсем недавно Юнг завершил статью „Роль отца в судьбе индивида“, вызвавшую огромный переполох. В статье Юнг показывает, что выбор будущего объекта любви определяется первыми взаимоотношениями ребенка со своими родителями. То, что я его люблю, также верно, как и его любовь ко мне. Для меня он отец, а я для него мать, или говоря точнее, женщина, ставшая первым объектом, заместившим мать (его мать заболела истерией, когда ему было всего два года); он настолько сильно привязался к эрзац-женщине, что даже в ее отсутствии продолжал ее четко видеть в галлюцинациях, etc., etc. Не знаю, почему он влюбился в свою жену... Допустим, что его жена не удовлетворяет его „полностью“, тогда он влюбляется в меня, в истеричку; а я влюбляюсь в психопата, нужно ли мне пояснять это тебе?»

Нет, ну зачем же объяснять, маме все ясно... Однако в порыве бытового психоанализа Сабина вникает в детали, рассказывает матери о своих взаимоотношениях с возлюбленным: «Дважды подряд в моем присутствии эмоции столь сильно завладевали им, что по его лицу начинали струиться слезы. Если бы ты могла укрыться в соседнем помещении и слышать, как он заботится обо мне и моей судьбе, то ты бы и сама разразилась слезами. А затем он начинает бесконечно упрекать себя за испытываемые им чувства, например, говорит, что я являюсь для него чем-то святым, что он готов извиняться передо мной, etc». Бедный Юнг! Сабина, живо передает, как он лепечет: «Я желаю сегодня открывать мое сердце солнцу! Я хочу быть счастливым! Хочу быть молодым! Хочу быть счастливым, это именно то, чего я действительно хочу!»

Клиника Бургхольцль

Все-таки жаль, что мамаше Шпильрейн не пришлось «укрыться в соседнем помещении» и вживую выслушать эти откровения. Сколько удовольствия она могла бы получить! Ну, ничего, она и так поучаствует в скандале, который в 1909 году начнет разворачиваться

на почве этих болезненных страстей. Тут будет много пикантного. Мать Сабины недвусмысленно намекнет Юнгу, что надо вести себя поприличней, что она может обратиться к шефу молодого человека в клинке Бургхольцль господину Блейлеру (это – как бы в местком). Юнг впадет в панику, напишет Фрейду, стараясь представить дело в выгодном для себя свете. Фрейд получит от Сабины письмо с просьбой о встрече и перешлет его Юнгу. Юнг в ответ начнет оправдываться (и при этом его «номер 1» поведет себя достаточно гнусно). К сваре подключится и его жена Эмма Юнг (от денег которой тогда в некоторой степени зависело благосостояние аналитика). В общем, шикарная история.

А параллельно ей разворачивалась другая, не менее захватывающая история.

Преодолевая Фрейда

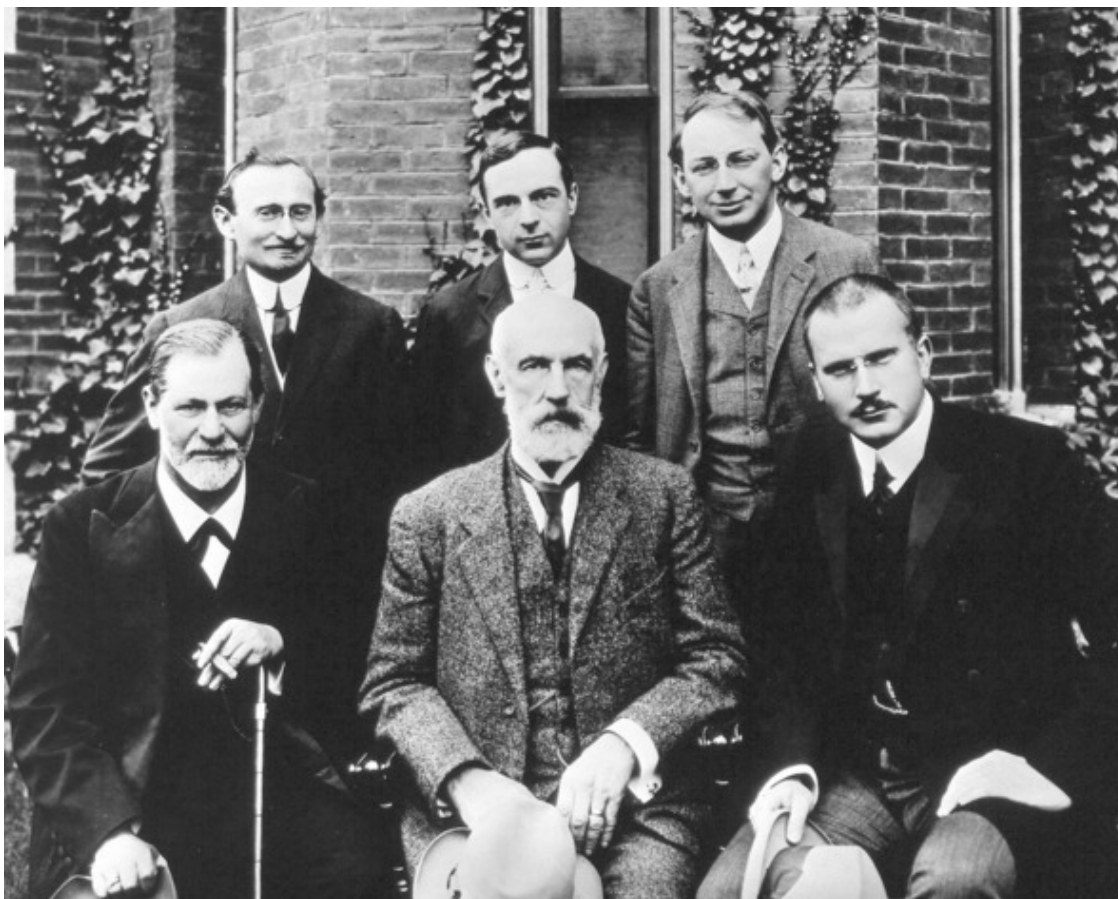
К истории Карла и Сабины мы еще вернемся, а сейчас другой сюжет. В одной из клинических заметок о ходе лечения Отто Гросса Юнг записал: «Вернул мне толстую книгу по мифологии, заявив, что прочитал ее». Это, пожалуй, самое раннее свидетельство того, что Юнг в связи с психоанализом интересуется мифами. Может, оно ничего и не значит, но ведь уже очень скоро голова доктора окажется просто забита мифологическими сюжетами, ибо он начнет писать книгу «Метаморфозы и символы либидо». Сам Юнг говорит, что импульс, толкнувший его к писанию этой книги, был получен во сне на борту парохода, когда они с Зигмундом Фрейдом возвращались из Америки, где читали лекции в Университете Кларка (сентябрь 1909 года). Вот как изложено содержание этого сна в книге Юнга «Воспоминания, сновидения, размышления»:

«Я находился один в незнакомом двухэтажном доме, и это был „мой дом“. На верхнем этаже было что-то вроде гостиной с прекрасной старинной мебелью в стиле рококо. На стенах висели старинные картины в дорогих рамах. Я удивился, что этот дом – мой, и подумал: „Ничего себе!“ Затем, вспомнив, что еще не был внизу, я спустился по ступенькам и оказался на первом этаже. Здесь все выглядело гораздо старше, похоже, что эта часть дома существовала с XV или XVI века. Средневековая обстановка, пол, выложенный красным кирпичом, – все казалось тусклым, покрытым патиной. Я переходил из комнаты в комнату и думал: „Нужно осмотреть весь дом“. Очутившись перед массивной дверью, я открыл ее и увидел каменную лестницу, ведущую в подвал. Спустившись, я оказался в красивом старинном сводчатом зале. В кладке стен я обнаружил слой кирпича, в строительном растворе тоже были кусочки кирпича. Так я догадался, что стены были возведены еще при римлянах. Мое любопытство возросло. Я стал внимательно осматривать каменные плиты пола: в одной из них оказалось кольцо. Я потянул за него – плита приподнялась, открывая узкую каменную лестницу, ступени которой вели в глубину. Я спустился вниз и попал в пещеру с низким сводом. Среди толстого слоя пыли на полу лежали кости и черепки, словно останки какой-то примитивной культуры. Я нашел там два очень древних полуистлевших человеческих черепа – и в этот момент проснулся».

*Трансатлантический лайнер Лузитания.
Примерно на таком Фрейд и Юнг плавали в Америку*

Два психоаналитика в долгом плавании в Америку и обратно развлекались тем, что понемногу анализировали друг друга. Юнг рассказал этот сон Фрейду. Тот «больше всего заинтересовался двумя черепами. Он постоянно возвращался к ним, уверяя, что я должен обнаружить связанное с ними *желание*. Что я о них думаю? Чьи они?» Юнг раздражен вопросами учителя, говорит что понимает, куда он клонит (к тому, что Юнг кому-то должен желать смерти) и обманывает его, говорит: «Моя жена и свояченица». Типичный пример сопротивления: анализируемый пускает анализирующего по ложному следу. Не будем сейчас разбираться в том, хорошо это или нет. В конце концов, и Фрейд на том же корабле сопротивлялся анализу Юнга. На просьбу дать некие пояснения прямо заявил: «Но я ведь не могу рисковать своим авторитетом!» Юнг по этому поводу возмущается: «Эта фраза осталась на дне моей памяти, она явилась концом наших отношений. Фрейд поставил личный авторитет выше истины». При этом Юнг осознает, что и его собственное поведение не совсем безупречно, но – не мог же он «позволить ему проникнуть в мой внутренний мир».

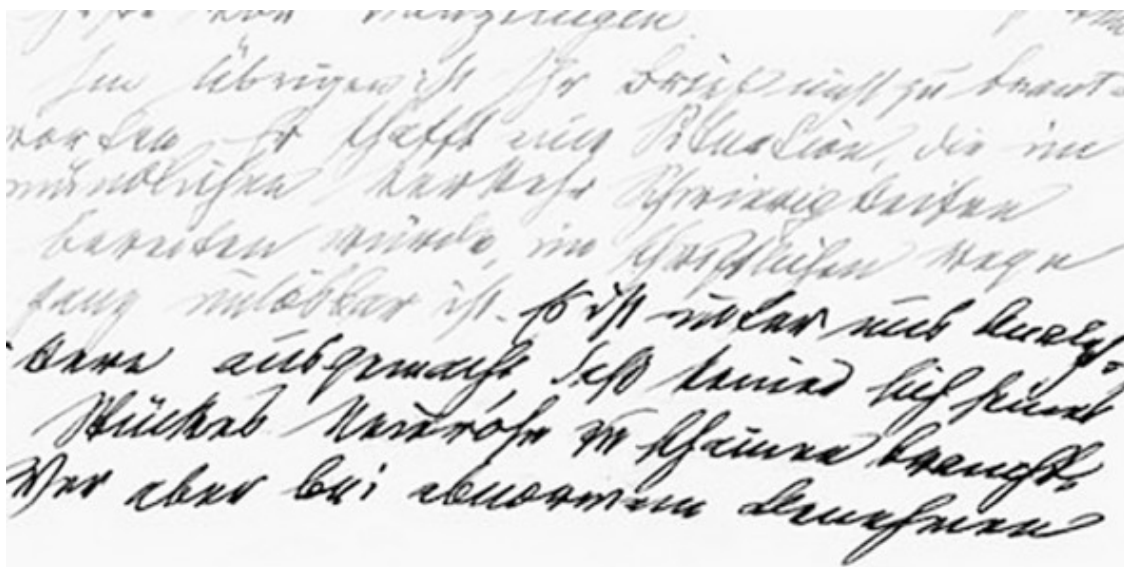

В Университете Кларка. Сидят: Зигмунд Фрейд, Грэнвилл Холл, Карл Юнг; стоят: Эбрахам А. Брилл, Эрнест Джонс, Шандор Ференци. 1909 год

В общем, оба хороши. Собственно, я привожу здесь этот пример лишь для того, чтобы дать почувствовать разницу подходов Фрейда и Юнга к толкованию снов. Фрейд ищет во сне личный мотив, а толкование, которое дает своему сну Юнг, отсылает в подземелье (бессознательного). Разница в способах толкования вовсе не обязательно означает, что кто-то один из двух аналитиков неправ, возможно, они просто интересуются разными слоями подсознания. Но как бы то ни было, во второй половине 1909 года, после возвращения из Америки,

переписка Фрейда и Юнга наполнится мифологическими сюжетами. Юнг начнет писать книгу «Метаморфозы и символы либидо» и по мере писания будет все глубже погружаться в глубинные слои бессознательного, которые, как теперь уже ясно всем, выражаются в сознании в виде мифологических сюжетов.

Отправной точкой «Метаморфоз» стали сны и фантазии американской студентки мисс Миллер, которая тоже некогда путешествовала на пароходе и переживала довольно невинные эротические приключения, которые потом отражались в ее снах, мечтаниях, стихах и комментариях к ним. Юнг эту девушку лично не знал, он наткнулся на ее тексты в «Архивах психологии», вышедших в Женеве, и очень заинтересовался тем, что в писаниях современной американки отражаются мифы, изучением которых он как раз занялся после возвращения из Нового света. Анализируя фантазии мисс Миллер, Юнг все глубже вникал в мифологические сюжеты, а толкуя их с точки зрения психоанализа, все дальше отходил от изначальной концепции Фрейда.

Почтовая открытка, направленная Фрейдом Юнгу

Собственно, между ними и изначально была пропасть. Фрейд был твердым позитивистом, а Юнг, как мы помним⁶, верил в духов. Еще в юности он имел основательный опыт общения с ними, практиковал спиритизм, пытался исследовать странные явления и защитил в Цюрихском университете диссертацию «К психологии и патологии так называемых оккультных феноменов». Вполне корректное для позитивистской эпохи название текста, написанного «номером 1» молодого ученого. При этом для «номера 2» Юнга сами эти феномены были вовсе не «так называемыми», для него они были реальностью. В его «Воспоминаниях, сновидениях, размышлениях» есть эпизод, относящийся к концу марта 1909 года, когда Юнг был в Вене в гостях у Фрейда. Юнг спросил мнение учителя об экстрасенсорном восприятии и парапсихологии. Фрейд заявил, что эти вопросы бессмысленны. При этом проявил такое поверхностный позитивизм, что Юнг едва сдержался. Дальше:

⁶ См. главу «Нечто потустороннее»

Дом, где жил и работал Фрейд в Вене

«Но в тот момент, когда я выслушивал его аргументы, у меня возникло странное ощущение, будто моя диафрагма вдруг сделалась железной и раскалилась докрасна, она, как мне показалось, даже стала светиться. И в этот миг из находившегося рядом книжного шкафа раздался страшный грохот. Мы оба в испуге отскочили – показалось, что шкаф вот-вот опрокинется на нас. Я, опомнившись, сказал Фрейду: „Вот вам пример так называемой каталитической экстерниоризации“. „Оставьте, – разозлился он, – это совершеннейшая чушь“. „Нет, профессор, – воскликнул я, – вы ошибаетесь! И я это вам докажу: сейчас вы услышите точно такой же грохот!“ И действительно, как только я произнес эти слова, из шкафа снова раздался грохот. До сих пор не понимаю, откуда взялась моя уверенность. Но я был убежден, что это произойдет. Фрейд ошеломленно посмотрел на меня».

Дверь квартиры Фрейда

Действительно, этот случай весьма впечатлил Фрейда. Через несколько дней он пишет Юнгу письмо, в котором рассказывает, что после его ухода обследовал все шкафы и нашел, что в одной комнате «треск раздается непрерывно, там на дубовых полках книжного шкафа стоят две тяжелые египетские стелы, и с этим, следовательно, все ясно. Во второй, где мы с Вами все это слышали, потрескивания очень редки». Что было «ясно» Фрейду, не очень понятно. Но он пишет Юнгу, что сперва «хотел увидеть в этом доказательство того, что частые шумы слышатся только в Вашем присутствии». А дальше все сводит на шутку: мол, его доверчивость исчезла вместе с волшебством присутствия Юнга. «Лишенная нечистой силы мебель предстает моим глазам, как когда-то, после ухода богов Греции, поэту предстала обезбоженная природа».

Продолжая письмо, Фрейд вдруг углубляется в кабалистику цифровых совпадений, которая мучила его после того, как в 1899 году он закончил свою этапную книгу «Толкование

сновидений». Он тогда думал, что должен умереть в 61 или 62 года (умрет в 83) и эти цифры ему все время навязчиво подвертывались. Прежде чем дать рациональное объяснение этому, Фрейд замечает: «Вы снова найдете подтверждение еврейской природы моей мистики». А может, действительно в этой природе все дело?

*Знаменитая «психоаналитическая кушетка» Фрейда.
Пациент лежал на ней, а Фрейд сидел в кресле и спрашивал...*

Юнг вспоминает такой случай: «Фрейд сказал мне: „Мой дорогой Юнг, обещайте мне, что вы никогда не откажетесь от сексуальной теории. Это превыше всего. Понимаете, мы должны сделать из нее догму, неприступный бастион“. Он произнес это со страстью, тоном отца, наставляющего сына: „Мой дорогой сын, ты должен пообещать мне, что будешь каждое воскресенье ходить в церковь“. Скрывая удивление, я спросил его: „Бастион – против кого?“ – „Против потока черной грязи, – на мгновение Фрейд запнулся и добавил, – оккультизма“. Я был не на шутку встревожен – эти слова „бастион“ и „догма“, ведь догма – неоспоримое знание, такое, которое устанавливается раз и навсегда и не допускает сомнений. Но о какой науке тогда может идти речь, ведь это не более чем личный диктат».

Это было уже в 1910 году, когда Юнг, работая над «Метаморфозами», с головой погрузился в оккультизм всемирной мифологии. Он говорит: «К „оккультизму“ Фрейд, по-видимому, относил абсолютно все, что философия, религия и возникшая уже в наши дни парапсихология знали о человеческой душе. Для меня же и сексуальная теория была таким же „оккультизмом“, то есть не более чем недоказанной гипотезой». И признается: «Многое еще не было доступно моему пониманию, но я отметил у Фрейда нечто похожее на вмешательство неких подсознательных религиозных факторов».

Интерьер квартиры Фрейда

Что за «религиозные факторы»? Юнг делает вид, что не понимает. А между тем учитель выражается предельно ясно: сексуальная теория – бастион против оккультизма, то есть – языческой нечисти, которая может захлестнуть мир иудео-христианской культуры. Фрейд, конечно, трудно заподозрить в какой-либо ортодоксии, но то, что он всю жизнь оставался в лоне иудео-христианской культуры, – неоспоримый факт. Юнг другое дело. Ему еще в детстве было видение⁷, что бог испражняется на церковь («поток черной грязи») и кусок фекалий проламывает ее крышу. Бог, срущий на церковь (здание, но и учреждение), – это, конечно, не иудео-христианский бог, это какой-то похабник языческий.

Но именно с ним имел дело Юнг, человек, в котором Фрейд видел своего сына, продолжателя своего дела, Иисуса Навина, который войдет в землю обетованную, куда сам Моисей (то есть – Фрейд) не сможет вступить. Пророк психоанализа ужасно обманулся. Когда в 1911 году он прочел первую часть «Метаморфоз и символов», он рассердился, но пытался еще делать вид, что ничего особенного не случилось. Так, лишь слегка раздраженно подкалывал: «не затеряйтесь в клубах религиозно-либидинозного тумана». Выразил сомнения: «Ваше восприятие инцеста мне все еще не совсем ясно». Юнг объяснял: «Инцест запрещен *не потому, что желанен*, а потому, что переполняющий первобытного человека страх задним числом воскрешает впечатления детства и формирует на этом материале церемонию искупления». Фрейд отвечал: «Мы, по-моему, до сих пор считали, что страх идет от запрета инцеста; вы же сегодня утверждаете, что скорее запрет инцеста проистекает из страха».

⁷ См. главу «Кал божий»

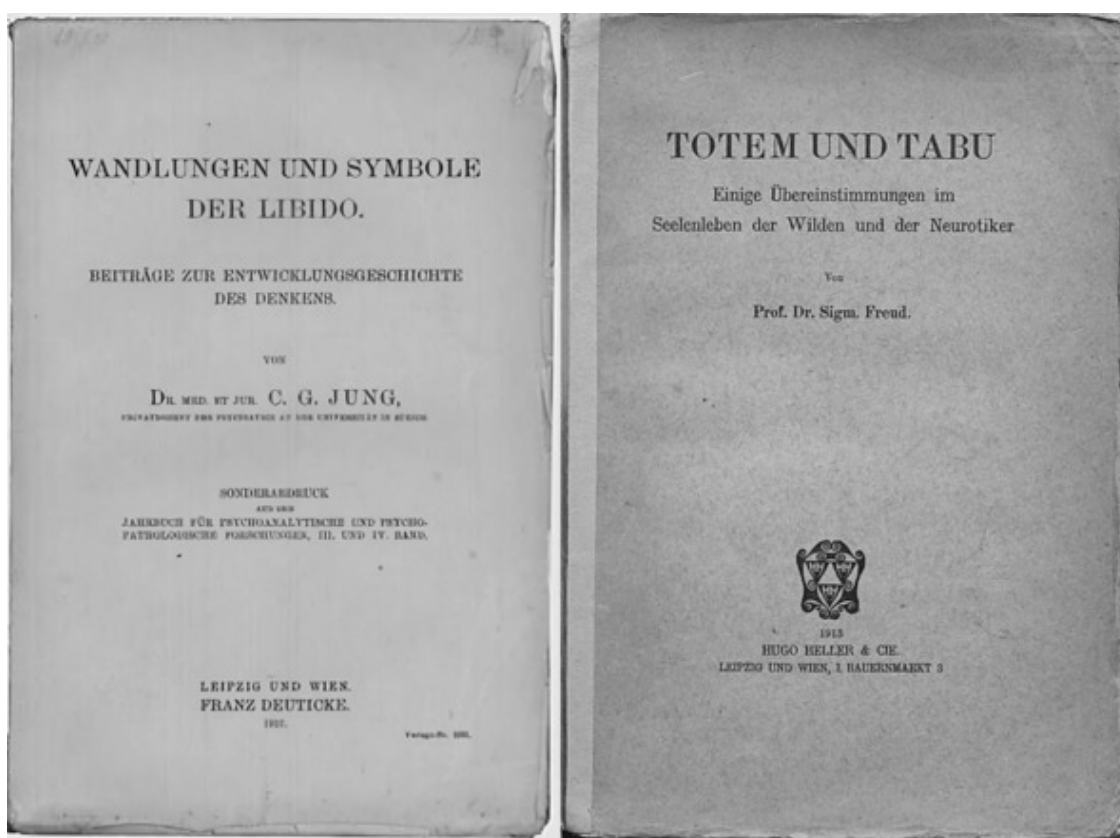

Зигмунд Фрейд в 1905 году

В этой пикировке уже можно разглядеть корень различия, противоположные подходы двух аналитиков. Но это только начало. Когда осенью 1912 года вышла вторая часть «Метаморфоз», Фрейд испытал культурный шок. И дело тут, конечно, не просто в сексуальной теории, дело в понимании божества. Обобщенно говоря, для Фрейда бог – это отец, а для Юнга – мать. Отсюда и все противоречия. Ведь мать – это жизнь, которая все породила. Но именно эта богиня подавлена в иудео-христианской культуре (как и сексуальность). Конечно, мы ей все поклоняемся. И Фрейд тоже: его поиск подавленной сексуальности, высвобождение и пере-

ключение ее на себя (перенос⁸), – это ведь фактически заклинания Песни песней: «Встань возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди!» Но все-таки для еврея, выросшего в традиционной семье, бог-мать – нет, это уж слишком!

Как раз в то время, когда Юнг писал свои «Метаморфозы», Фрейд писал книгу «Тотем и табу» (опубликована в 1913 году). Как известно, он в ней фантазирует о происхождении религии. Она, мол, пошла от того, что сыновья жестокого ревнивого отца, присвоившего себе всех женщин племени, как-то раз собрались, убили его и съели, а всех женщин (матерей) поделили по некоторому закону. Вывод такой: «В Эдиповском комплексе совпадает начало религии, нравственности, общественности и искусства в полном согласии с данными психоанализа, по которым этот комплекс составляет ядро всех неврозов, поскольку они до сих пор оказались доступными нашему пониманию. Мне кажется чрезвычайно удивительным, что и эта проблема душевной жизни народов может быть разрешена, если исходить из одного только конкретного пункта, каким является отношение к отцу».

Слева книга Юнга «Метаморфозы и символы либидо»,
справа книга Фрейда «Тотем и табу»

Это, можно сказать, сравнительно ортодоксальный взгляд. А у Юнга в «Метаморфозах» (глава «Жертва») читаем: «Человек оставляет мать, источник libido, побуждаемый вечной жадой вновь отыскать ее и через нее получить обновление; таким образом он совершает круговорот свой, чтобы вновь вернуться в лоно матери. Всякое препятствие на пути его жизни, угрожающее его подъему, обладает призрачными чертами страшной матери, парализующей его жизненную бодрость изнуряющим ядом тайно оглядывающейся тоски; каждый раз, как ему удастся превозмочь эту тоску – он обретает вновь улыбающуюся мать, дарующую ему любовь и жизнь; это картины, созданные предугадывающей глубиной человеческого чувства, но они

⁸ См. главу «Выпустить птичку»

до неузнаваемости искажены постоянно движущимся вперед поверхностным развитием человеческого духа».

Конкретно это – итоговый комментарий «Метаморфоз» на миф «Кольца нибелунга», отражающий процессы, шедшие в глубине немецкой культуры. При желании из этого Вагнеровского мифа можно извлечь предпосылки и для будущего нацизма, и для сегодняшнего домостроительства Валгаллы Евросоюза. Но Юнг в то время, конечно, не глядел так далеко, его интересовали прежде всего солярные мифы, замешанные на инцесте, чем, действительно, наполнена тетралогия Вагнера. В частности, Юнг показывает, что Брюнгильда – это мать-жена Зигфрида. А гибель Зигфрида, пораженного копьем Хагена, интерпретирует так: «Превратившееся в бога смерти старое солнце, одноглазый Вотан убивает сына; и снова подымается солнце, вечно обновляясь».

Это германский миф в современном изводе (к нему мы еще вернемся). А вот вам пожалуйста митраистские и христианские аспекты того же самого: «Представляется весьма вероятным, что жертва быком в культе Митры означает также жертву, приносимую матери, посылающей смертельный страх. Так как и в этом случае противоположный смысл слов „убивай умирая“ является действительным, то жертва есть оплодотворение матери; хтонический демон-змея пьет кровь, то есть *libido* (семя) героя, совершающего кровосмешение. Этим поддерживается бессмертие жизни, ибо она, подобно солнцу, вновь порождает и героя. Теперь уже не трудно, благодаря всему вышеизложенному, увидеть и в христианской мистерии человеческую жертву или жертву *сына матери*».

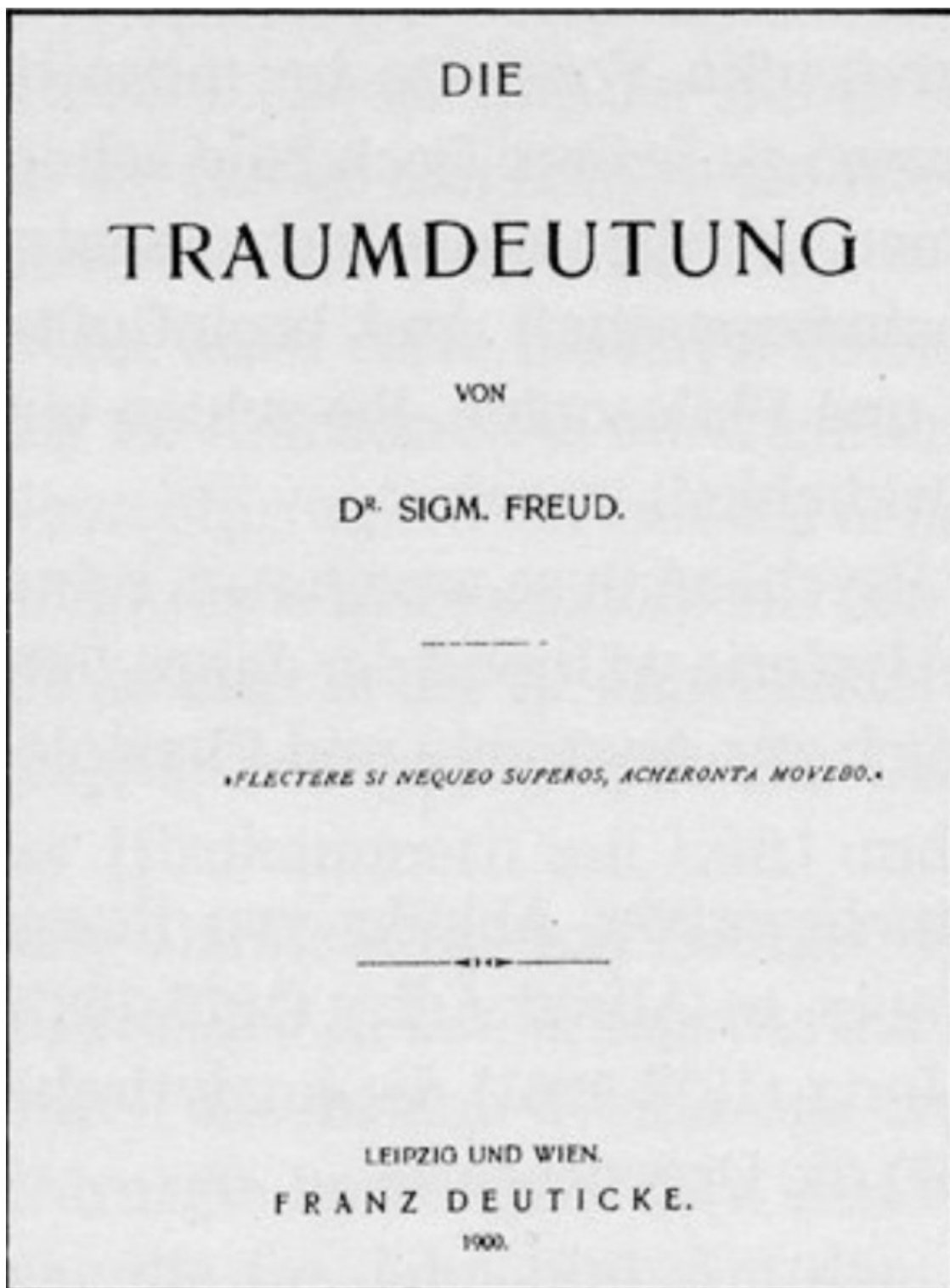
Реальная мать Юнга, как сообщает⁹ Сабина Шпильрейн, «заболела истерией, когда ему было всего два года». Сам Юнг говорит¹⁰: «Днем ласковая, по ночам она казалась странной и таинственной, являясь мне страшным всевидящим существом – полузверем, жрицей из медвежьей пещеры, беспощадной как правда и как природа». Но это вовсе не значит, что он просто перенес свой личный опыт в сферу мифов, которые он разбирал в «Метаморфозах». Книга наполнена архетипическим материалом, подтверждающим цитированные выше выводы. Другое дело, что эти (и другие) выводы очень многим не понравились. После выхода «Метаморфоз» Юнг в кружке Фрейда был объявлен сумасшедшим и антисемитом. Ну, сумасшедший – понятно, а антисемит-то почему? Об этом мы поговорим в следующий раз.

⁹ См. главу «Выпустить птичку»

¹⁰ См. главу «Нечто потустороннее»

Фрейд сновидений

Психоанализ возник в еврейской среде. Это медицинский факт. И сам основатель, и большая часть его пациентов и учеников – интеллигентные евреи, претерпевавшие кризис идентичности в условиях ассимиляции европейской культурой. Разрыв с традицией выразался в болезненных состояниях. Фрейд нашупал язык для разговора об иудео-христианском боге в ситуации, когда люди в него уже не верили, а бог продолжал действовать изнутри, создавая фантазии, страхи, соматические симптомы. Психоанализ – это своего рода богословие. И одновременно сакральная процедура: исповедь пациента и последующее объяснение аналитиком того, что происходит с человеком, в котором действует бог его предков. Происходит примерно то, что происходило с Иовом: он мучается, не понимая – почему. И эти мучения (скажем, невроз) Фрейд старался снять, находя корень проблемы в душе страждущего и доводя до его сознания причину страданий.

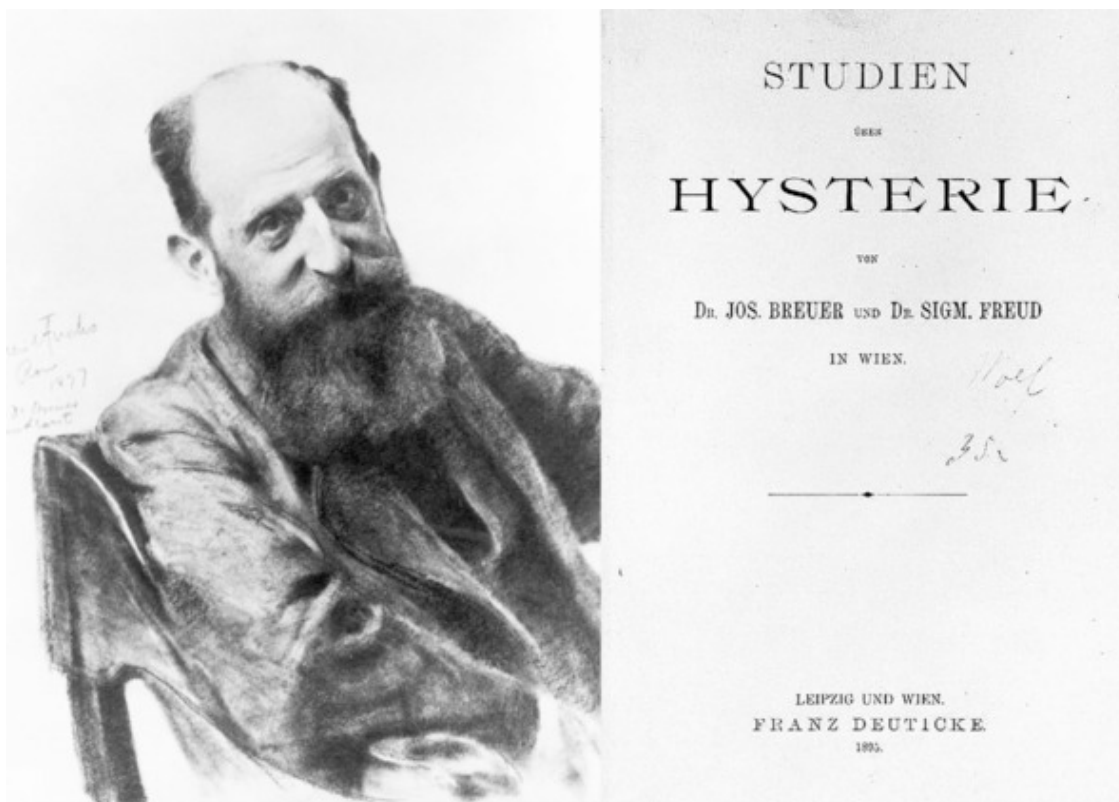

Книга Фрейда «Толкование сновидений»

А Юнг пошел по иному пути. Но прежде чем говорить об этом, надо разобраться с Фрейдом. Заглянем в его книгу «Толкование сновидений», которую можно считать первым наброском психоанализа, а также – документальным повествованием о его возникновении. Книга основывается на снах ее автора, увиденных в тот период, когда психоанализ зарождался. И первый сон в ней – об инъекции Ирмы (это вымышленное имя). Ирма – подруга семьи Фрейда, вдова, которую он лечил, избавил от истерического страха, но – не от всех соматических симптомов. Лечение было приостановлено. Доктор Оскар Рие (в «Толкованиях» – Отто), побывав

у Ирмы, сообщил Фрейду, что «ей лучше, но не совсем еще хорошо». Фрейд почуял в этом упрек и, чтобы как-то оправдаться, записал историю болезни Ирмы для передачи своему старшему другу и соавтору Йозефу Брейеру (в книге он назван М.). После этого, в ночь на 24 июля 1895 года, Фрейду приснился сон, толкуя который он понял, как вообще устроены сновидения. Вот этот сон:

Званный вечер у Фрейдов, среди гостей Ирма. Фрейд упрекает ее: «Если у тебя есть еще боли, то в этом виновата только ты сама». Она отвечает, что боли ужасные. Он, опасаясь, что мог не заметить органическое заболевание, смотрит ей горло и видит «справа большое белое пятно, а немного поодаль странный нарост, похожий на носовую раковину». Сновидец зовет доктора М., обследовать Ирму. В этом принимают участие также Отто и Леопольд (еще одни коллега и друг). Последний обнаруживает «притупление» в легком и «инфильтрацию в левом плече». Доктор М. говорит: «Несомненно, это инфекция. Но ничего, у нее будет дизентерия, и яд выделится...». Все понимают, откуда инфекция: Отто впрыснул ей препарат пропила... «Такой инъекции нельзя делать легкомысленно... Вероятно, и шприц был не совсем чист».

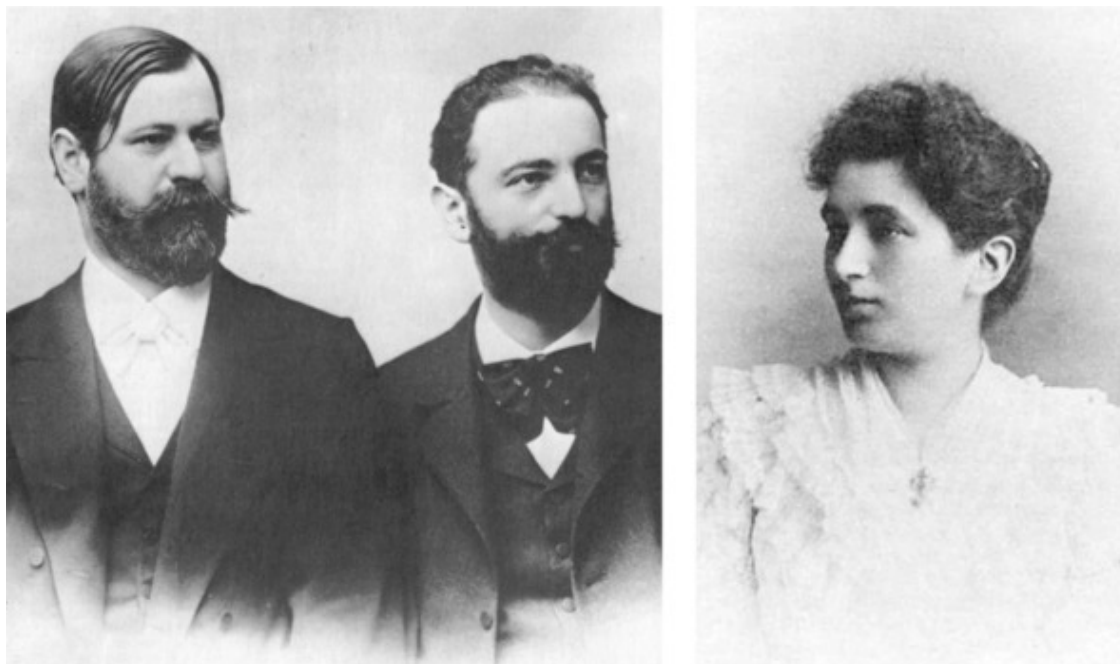

Слева Йозеф Брейер. Справа его книга в соавторстве с Фрейдом «Исследование истерии» (1895)

Я не буду излагать бесконечно длинное толкование Фрейдом этого. Достаточно будет сказать, что аналитик сводит свой сон к следующему: «Сновидение осуществляет несколько желаний, проявившихся во мне благодаря событиям последнего вечера... Результат сновидения: я неповинен в продолжающейся болезни Ирмы». Тут надо обратить внимание на исходный тезис теории Фрейда: сновидения – это осуществление желаний. В данном случае доктор желает быть неповинным в продолжающейся болезни Ирмы. Правда, из того, что он говорит в своем толковании, не совсем ясно: а что уж такого он сделал, чтобы оправдываться. Но если знать скрытый Фрейдом контекст, станет ясно, что чувство вины таки небеспричинно.

За Ирмой, в горле которой сновидец увидел «носовую раковину», скрывается Эмма Экштейн (вообще, в Ирме слито несколько женщин, но нас сейчас интересует только одна), кото-

рую Фрейд послал к своему другу Вильгельму Флиссу проверить нос. О, эти носы! У самого Фрейда в то время с носом тоже было что-то не то (как, впрочем, и с сердцем), какой-то странный гнойный ринит, который можно было остановить только перназальным приемом кокаина. К этому веществу у него и вообще был давний интерес, его первая монография (1885) была посвящена именно коке. Сам он наркоманом не был, но охотно рекомендовал кокаин в качестве лекарства. Один его пациент даже умер, сделав себе инъекцию кокаина (который Фрейд прописал не для уколов, но бедняга был морфинист).

Слева Зигмунд Фрейд и Вильгельм Флисс, справа Эмма Экиштейн

Что же касается доктора Флисса, то у него отношение к носу было отнюдь не только отоларингологическое, скорее, невротическое (некоторые объясняют это реакцией на «judennase», популярные тогда антисемитские карикатуры). Флисс был просто повернут на носе. Считал, например, что нос соответствует женскому половому органу, и думал, что многие недуги идут от проблем с носом. Чтобы избавиться от мигреней, которые его преследовали, сделал себе на носу несколько хирургических операций. Фрейд в связи с этим писал ему: «Ты что, хочешь на моих глазах весь превратиться в гной? К черту все эти операции». И все же послал Эмму к Флиссу, который сделал ей операцию (кстати, заодно и Фрейду прижег носовые пазухи). Через короткое время нос Эммы стал страшно гноиться. Фрейд испугался, вызвал врача, и тот обнаружил у Эммы в носу какую-то ниточку. Потянул и – вытащил из носовой полости дамы 50 сантиметров бинта. Флисс просто забыл его в носу пациентки. Бывает. Особенно, если ты увлечен и считаешь нос женскими гениталиями. Оставленный там полуметровый бинт можно, пожалуй, считать (чувствую себя фрейдистом) мужским половым х – м.

После этого случая Эмма осталась слегка изуродованной. Фрейд, конечно, понимал, что Флисс не совсем прав, но старался его успокоить: «В своих мыслях я уже смирился с тем, что бессилён был помочь этой бедняжке, и ругаю себя за то, что втянул тебя в эту историю, закончившуюся для тебя столь плачевно». Старался замять скандал, чтобы никто не мог обвинить друга Вильгельма в профнепригодности.

Вернемся, однако, к сновидению об инъекции. Думаю, Фрейд его препарировал, прежде чем поместить в книжку. И истолковал так, как счел для себя удобным (чего, собственно, и не скрывает). Тем не менее, толкование это весьма интересно. В первую очередь – как демон-

страция того, что вообще можно делать со снами. В этом и ценность книги, открывшей европейцам новые (забытые ими) возможности понимания человеческой психики. А то, что Фрейд там что-то правильно (или неправильно) интерпретировал, не имеет для нас никакого значения. Он дал свой вариант толкования. Можно дать и другой. Сновидение ведь неисчерпаемо. При каждом новом повороте оптики толкования нам открываются новые аспекты сна (в чем мы в дальнейшем еще не раз убедимся). В частности, сон об инъекции Ирмы можно толковать как историю рождения психоанализа из духа еврейского местечка.

Марк Шагал. Ворота еврейского кладбища. 1917

Я уже намекал на то, что книга Фрейда автобиографична. Основные объяснения того, что и как толковать, он дает на примерах собственных снов. А чтоб был понятен контекст, приводит множество связанных с ними деталей из своей жизни. Но кроме самого автора в книге действует еще целый кагал, самые разные люди, одолеваемые нелепыми фантазиями и трагическими проблемами. Толкуя свои и их сны, Фрейд попутно рассказывает житейские случаи, соленые анекдоты, фольклорные байки. Все это, можно сказать, картинки с выставки Марка Шагала. Перед читателем снотолкований открывается виртуальное местечко, в котором течет жизнь еврейской души, старающейся приноровиться к требованиям большого европейского города. Из опыта этой жизни вытекают и сновидения, и способы их толкования.

Вот, например, весной 1897 года Фрейда выдвинули на соискание звания экстраординарного профессора. «Я подумал тотчас же, однако, что не имею никакого основания связывать с этим каких-либо надежд». Почему? А потому что он еврей... Как-то раз его посетил коллега Р., один из тех, кто давно дожидался профессорства и хлопотал о нем в министерстве. «Он сообщил, что на этот раз ему удалось припереть к стене очень высокопоставленное лицо и предложить ему вопрос, правда ли, что его назначению препятствуют исключительно вероисповедные соображения». Оказалось, что – да. После этого Фрейд увидел во сне следующее: «I. Коллега Р. – мой дядя. Я питаю к нему нежные чувства. II. Он очень изменился. Лицо его вытянулось; мне бросается в глаза большая рыжая борода».

Семья Якоба Фрейда. Зигмунд третий слева в заднем ряду

Толкование Фрейда (передаю его вкратце) повествует о дяде (вытянутое лицо и борода от него), который за какую-то денежную аферу сел в тюрьму, в связи с чем отец Фрейда очень переживал и назвал брата дураком. Значит, что-то в сновидце считает коллегу Р. дураком. Но поскольку сам Фрейд не считает его дураком, сновидение подслащает пилюлю: «нежные чувства». Кроме того, Р. отнюдь не преступник. Но Фрейд вспоминает, что за несколько дней до сна встретил другого своего коллегу по имени Н., который тоже, конечно, ждал профессорства. Этот иудей подвергнулся судебному разбирательству из-за некоего пустяка, что, конечно,

может помешать получению звания. Вывод: «Мой дядя Иосиф совмещает в своем лице двух не назначенных профессорами коллег, одного в качестве „дурака“, другого в качестве „преступника“. Я понимаю теперь также и то, какую цель имело это совмещение. Если в отсрочке назначения моих коллег Р. и Н. играли роль „вероисповедные“ соображения, то и мое назначение подвержено большому сомнению; если же неутверждение обоих обусловлено другими причинами, не имеющими ко мне никакого отношения, то я все же могу надеяться».

Сон демонстрирует Фрейду, что он не такой, как коллеги: «Общность наших интересов нарушена, я могу радоваться своему близкому утверждению, меня не касается ответ, полученный коллегой Р. от высокопоставленного лица». А ведь, и действительно, не касается. Если бы Фрейд в тот момент рассказал этот сон шаману, тот бы ему объяснил, что коллега Р., стремящийся стать профессором, настоящий дурак, ибо эти дела так не делаются. Не надо ходить в министерство, а надо вступать в общество Бнай Брит (Сыны Завета), которое столь эффективно продвигает соплеменников. Впрочем, Фрейд и сам давно это понял: в 1895 году он вступил в ложу «Вена» общества Бнай Брит, читал там доклады о сновидениях и в 1901 году (вскоре после выхода «Толкований») таки стал профессором. С этого и началось восхождение психоанализа.

Зигмунд Фрейд и его будущая жена Марта Бернайс. 1885

В основе сна о желании быть профессором, несомненно, лежит осуществление желания. Однако это не все. Толкуя свой сон, Фрейд вводит второе фундаментальное понятие своей теории сновидений (и психоанализа в целом): цензуру, нечто, искажающее простое желание, шифрующее его, в результате чего сон становится непонятным. Мне трудно понять, почему для введения понятия цензуры Фрейд выбирает именно этот сон, когда можно было бы подобрать

что-нибудь более наглядное. Видимо переживания, связанные желанием профессорства, были так сильны, что задурили писателю голову. И в результате текст оказался неясным. Фрейд это понял и стал объяснять, что такое цензура, на посторонних примерах: «Где в социальной жизни можно найти аналогичное искажение психического акта? Лишь там, где имеется двое людей, из которых один обладает известной силой, другой же принужден считаться с последней. Это второе лицо искажает тогда свою психическую деятельность».

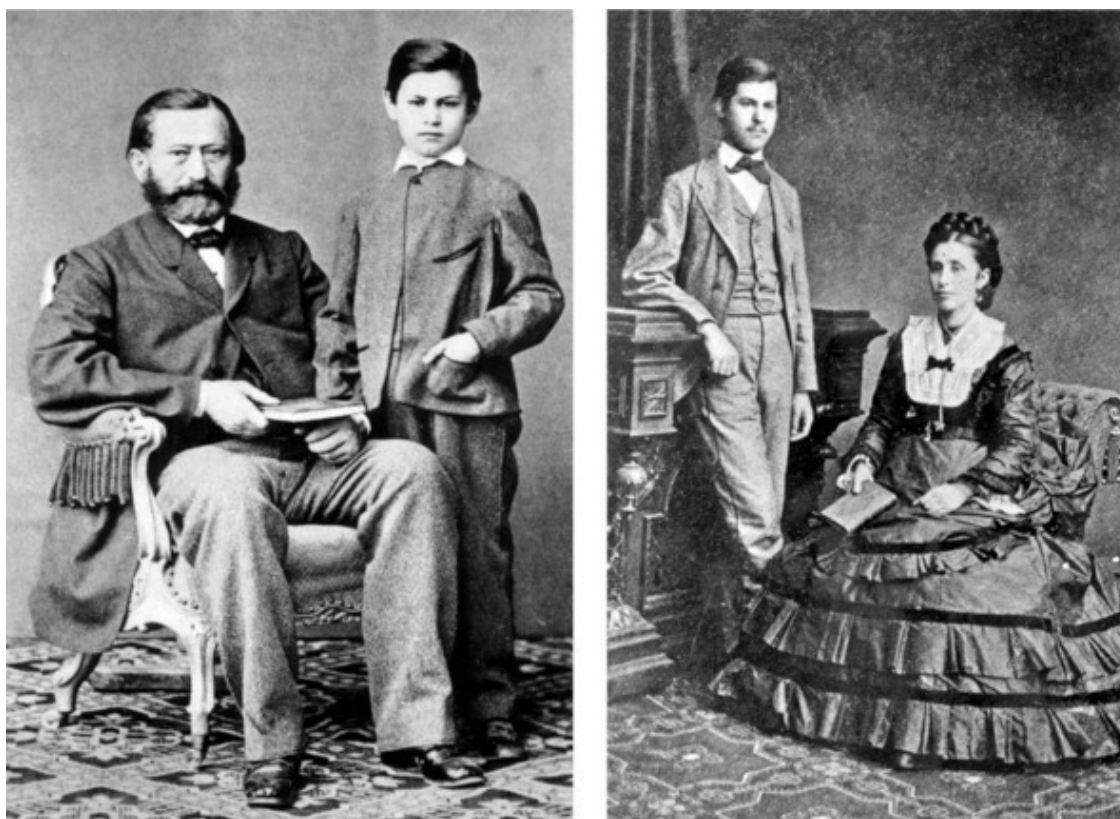
Характерная аналогия. О самом же предмете Фрейд пишет: «Мы имеем основание, таким образом, предполагать, что в сновидении играют наиболее видную роль две психические силы (течения, системы), из которых одна образует желания, проявляющиеся в сновидении, другая же выполняет функции цензуры и, благодаря этой цензуре, способствует искажению этого желания. Спрашивается, однако, в чем же состоит полномочие этой второй силы, проявляющейся в деятельности цензуры. Если мы вспомним о том, что скрытые в сновидении мысли до анализа не сознаются человеком, между тем как проистекающее из них явное содержание сновидения сознательно вспоминается, то отсюда следует предположить, что функция второй инстанции и заключается именно в допущении к сознанию. Из первой системы ничто не может достичь сознания, не пройдя предварительно через вторую инстанцию, а вторая инстанция не пропускает ничего, не осуществив своих прав и не произведя желательных ей изменений в стремящемся к сознанию материале».

Марк Шагал Свадьба. 1918

Вообще-то, вовсе не обязательно объяснять невнятицу снов борьбой двух психических сил. Можно исходить из другого. Можно, например, предположить, что бессознательное просто не знает языка, понятного человеку. И потому использует первые попавшиеся образы,

которые есть в человеческой голове, и с их помощью изъясняется, а уж человек волен понять (или не понять) то, что оно говорит. Возможны и другие объяснения. То, что Фрейд предпочитает использовать модель, предполагающую борьбу двух сил и подавляющую желание цензуры, обусловлено культурой, в которой он вырос и жизненным опытом, который он приобрел (шаман бы сказал: бессознательное находит в душе аналитика именно этот опыт и в соответствии с ним изъясняется, пишет текст). Ведь быть униженным – это трагический опыт еврейства. Толкуя один из снов, Фрейд рассказывает, как христианин какой-то унизил его отца, о том, как он сам воображал себя Ганнибалом, семитом, который стремился в ненавистный Рим, но так и не достиг его. В книге Фрейда много подобных историй, так что вполне можно объяснять представления об осуществлении желаний и цензуре жизненным опытом его народа.

Зигмунд Фрейд с отцом, Якобом Фрейдом. Справа Зигмунд Фрейд с матерью, урожденной Амалией Натансон

Но это было бы слишком поверхностное объяснение. Ибо корень этого опыта лежит глубже: не в истории, а в мифологии народа, из которой вытекает и его история. Фрейд говорит о двух силах, борющихся между собой. С одной стороны – силе желания (воле), стремящейся к осуществлению, а с другой – силе, подавляющей это желание, не позволяющей ему осуществиться (дойти до сознания). В результате борьбы желание все-таки виртуально осуществляется, но – в искаженной, неузнаваемой, зашифрованной форме. В форме непонятного сна, оговорки, неадекватного действия, невротического симптома. Но ведь буквально об этом и говорит иудео-христианский миф о борьбе Иакова с ангелом (богом). Результатом схватки становится смена имени Иакова на Израиля, что, в сущности, полный аналог действия цензуры (Иакову все это снится). Этот миф и лежит в основе теории Фрейда: цензор не убивает желание, но калечит его (после схватки Иаков остается хромым).

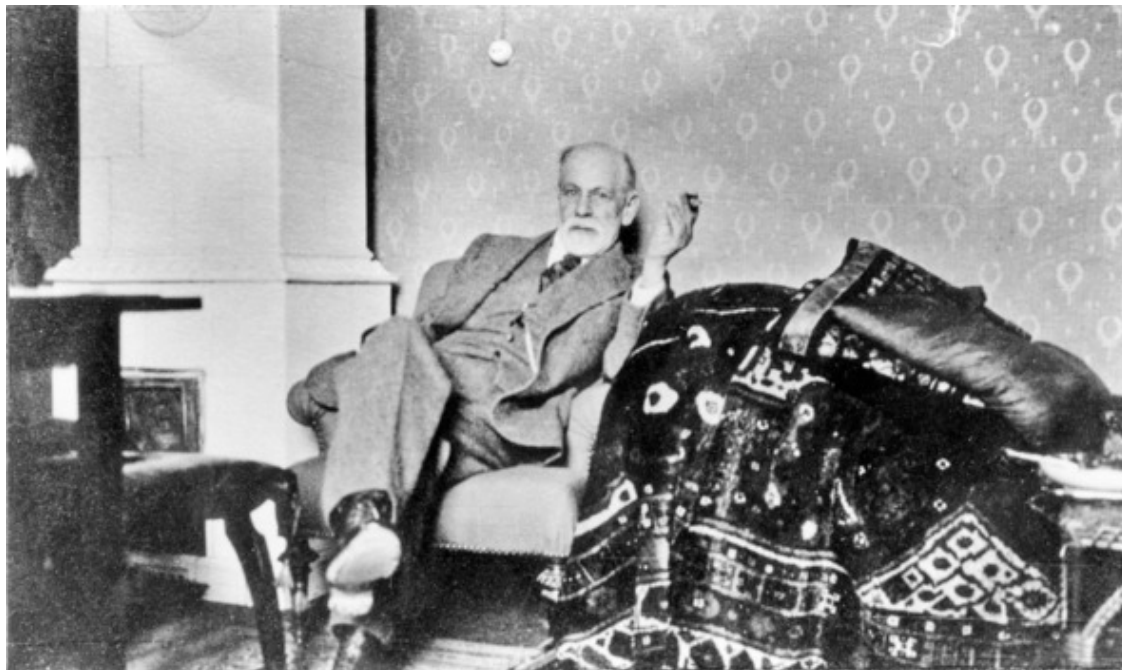

Марк Шагал. Борьба Иакова с ангелом

Вернемся теперь к Юнгу. Нетрудно узнать в двух борющихся инстанциях Фрейда то, что Юнг, рассказывая о себе, обозначает как «номер 1» и «номер 2»¹¹. Но только значения, которые Юнг и Фрейд придают этим двум «номерам», совершенно разные (по сути – противоположные). И отсюда вытекают разные понимания аналитиками работы сновидения. У Юнга взгляд на него шаманский, он говорит: «Я никогда не соглашался с Фрейдом в том, что сон – это некий заслоняющий смысл „фасад“ – когда смысл существует, но он будто бы нарочно скрыт от сознания. Мне кажется, что природа сна не таит в себе намеренного обмана, в ней нечто выражается возможным и наиболее удобным для нее образом – так же как растение

¹¹ См. главу «Нечто потустороннее»

растет или животное ищет пищу. В этом нет желания обмануть нас, но мы сами можем обмануться... Задолго до того, как я узнал Фрейда, бессознательное и сны, непосредственно его выражающие, казались мне естественными процессами, в которых нет ничего произвольного и тем более намеренно вводящего в заблуждение. Нет причин предполагать, что существует некое бессознательное природное коварство, по аналогии с коварством сознательным».

Зигмунд Фрейд

Это – да. Но Фрейд-то живет под гипнозом своего племенного бога (который прогнал людей из рая, когда они отведали от Древа познания) и точно описывает его как инстанцию, не позволяющую человеку осознавать определенные желания. Положим, Фрейд, изобретая психоанализ, как раз взбунтовался против этого, выступил как богоборец Иаков. Но, как и Иаков, он боролся ради того, чтобы получить благословение бога, действовавшего в нем изнутри. То есть – боролся с самим собой. А борясь с собой, ни победить, ни спастись невозможно. Хотя можно попробовать спастись бегством. Именно такой путь избрал Юнг, сын христианского служителя бога евреев. Чем это обернулось – увидим.

Семиты и арийцы

В 1911 году, во время работы над книгой «Метаморфозы и символы либидо», Юнгу при-
снилась горная местность на границе Австрии и Швейцарии. Сумерки. Мимо проходит пожи-
лой человек в форме австрийских таможенников. Сутулится, на Юнга внимания не обращает.
«В нем было что-то гнетущее, он казался расстроенным и раздраженным. Тут были и другие
люди, и кто-то сказал мне, что этот старик – лишь призрак таможенного чиновника, сам же он
умер много лет назад. – „Он из тех, кто не может умереть“». И тут Юнг переносится в какой-
то итальянский городок: «Время было обеденное – где-то между двенадцатью и часом дня.
Жаркое полуденное солнце заливало светом узкие улицы. Город, возвышавшийся на холме,
напомнил мне одно из предместий Базеля... Навстречу мне двигалась толпа... И неожиданно
в людском потоке показался рыцарь в полном облачении, который поднимался ко мне по сту-
пенькам. На нем были шлем и кольчуга, а поверх – белая туника с вышитыми по обеим сто-
ронам большими красными крестами». Никто в толпе не замечал крестоносца. «Кто-то сказал
мне (хотя поблизости никого не было): „А это наше привидение! Рыцарь всегда проходит здесь
между двенадцатью и часом, его все знают“».

Анализируя сон, Юнг «уловил в слове „таможня“ ассоциацию с „цензурой“. „Граница“
могла означать, с одной стороны, границу между сознанием и бессознательным, с другой же –
наши с Фрейдом расхождения. Таможенный досмотр, необыкновенно тщательный, можно
было сравнить с психоанализом – на границе чемоданы открывают, проверяя их содержимое.
Анализ так же раскрывает содержимое бессознательного... Трудно было здесь не провести
аналогию с Фрейдом».

Фрейд и Юнг с коллегами

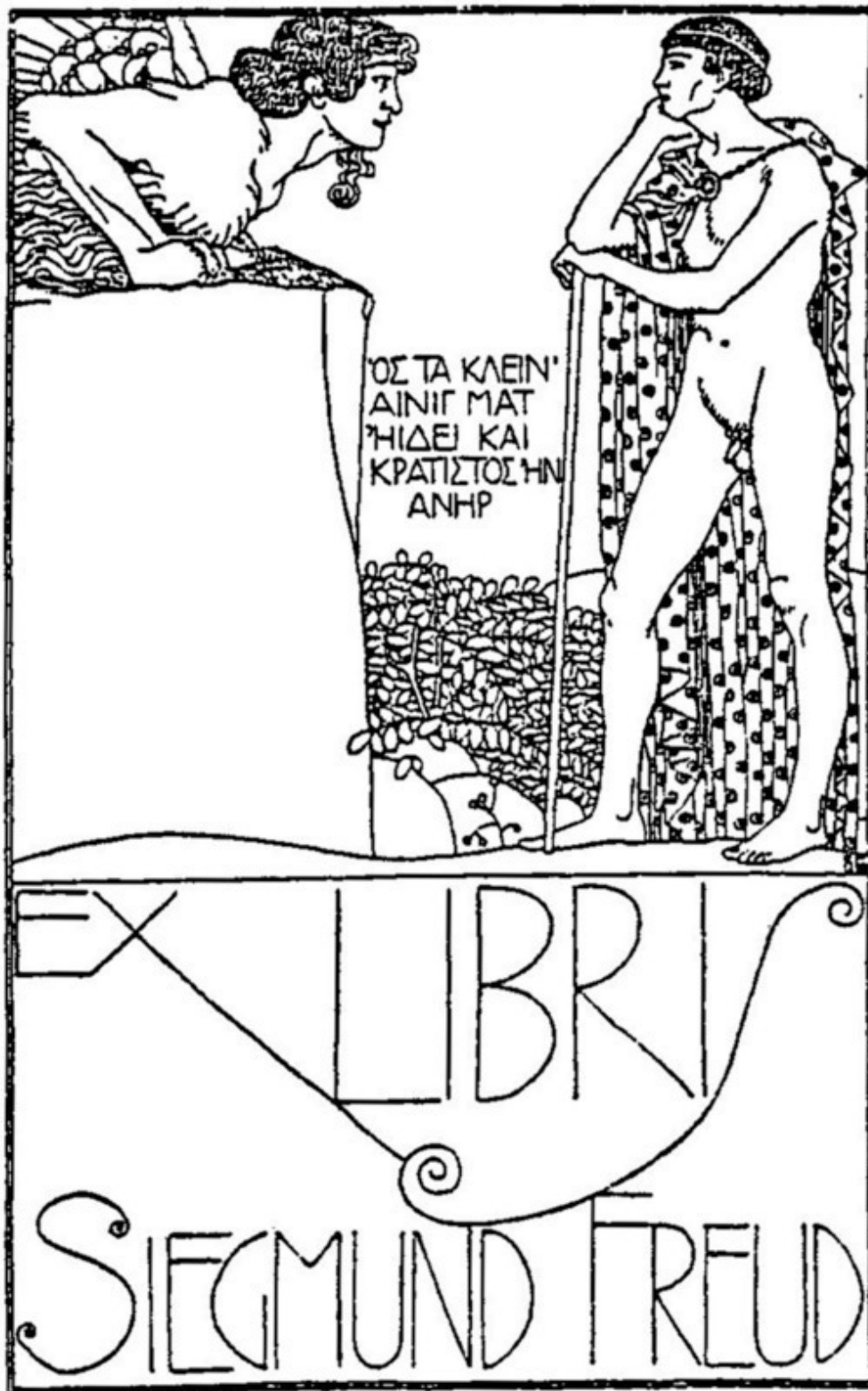
Напомню¹²: фрейдовская теория сновидений состоит из двух элементов: во-первых, сно-
видение это осуществление желания, а во-вторых, на пути осознания желания стоит инстанция,
осуществляющая цензуру, искажающая его, делающая сон непонятным. С точки же зрения
Юнга сон – это естественный способ выражения бессознательного, которое использует первые
попавшиеся актуальные для сновидца образы, чтобы что-то сказать (может быть – выразить
желание).

¹² См. главу «Фрейд сновидений»

Итак, на границе Австрии (где жил Фрейд) и своей родной Швейцарии Юнг видит таможенника. И толкует это, как я выше процитировал. К его толкованию можно добавить еще много чего. Например, Фрейд проходит мимо, «даже не взглянув» в сторону Юнга, а это значит – не интересуясь им и его новыми идеями. Далее, таможенник «кажется расстроенным и раздраженным», а это, как мы уже знаем¹³, соответствует настроению Фрейда по прочтении «Метаморфоз». Нет, книгу он пока не прочел (хотя первую часть – уже мог), но, когда прочтет целиком, будет именно что расстроен и раздражен. Таким образом, во сне отражаются опасения Юнга по поводу того, что его книга вызовет проблемы в отношениях с учителем. В «Воспоминаниях» сказано, что этот сон «предсказал разрыв» с Фрейдом. Вообще-то, зная характер последнего, нетрудно предугадать это и без всяких сновидений. Но сон дает интересные дополнительные детали, в которых – вся соль.

Некоторые из них мы разберем ниже, а сейчас посмотрим на сон с точки зрения Фрейда. Тут придется говорить о Том, что некая инстанция (цензура) не позволяет Юнгу осознать какое-то свое желание, и поэтому оно видится в искаженной форме. Какое желание? Сам Фрейд сказал бы (и, было, говорил) о желании смерти лично ему, отцу и учителю (Юнг признает, что тогда относился к Фрейду именно так). И указание на смерть во сне действительно есть: умерший таможенник. Но отсюда вовсе не следует, что Карл желает физической смерти учителю. Да, Юнг желал освободиться от влияний Фрейда (что – при желании! – можно истолковать и как пожелание смерти), но ведь не всякое желание избавиться означает – умертвить. В данном случае можно говорить разве что о символической смерти, о том, что Фрейд должен умереть для Юнга как авторитет. Но это как раз не тайна для Юнга, который предчувствовал, что убьет отца психоанализа своей книгой (главой «Жертва», где сформулировал собственную концепцию инцеста): «Два месяца я не решался взяться за перо, я мучился вопросом, стоит ли мое молчание нашей дружбы».

¹³ См. главу «Преодолевая Фрейда»

Экслибрис Фрейда

В своей книге Юнг сохранил все ценное, что выдвинул Фрейд (в первую очередь – идею, что бессознательное имеет структуру, с которой можно работать). Но отказался от того, что

было всего дороже учителю, и что он так авторитарно навязывал¹⁴. Отказался от фрейдовского понимания человеческой души, основанного на еврейской традиции с ее абсурдными запретами, оборачивающимися всякого рода кафкианскими фантазиями¹⁵. Он как бы сказал себе: положим, для лечения Кафки фрейдизм очень даже подходит (тут и чудовищный Эдипов комплекс, и подавленная сексуальность, и цензурные искажения), но вот человеку иной культуры это – как мертвому припарки. Вообще говоря, такому человеку эта традиция может казаться даже весьма неприятной (хотя бы уже потому, что она чужая). Вот и Юнг чует в австрийском таможеннике «что-то гнетущее», а обстановку, с ним связанную, воспринимает как нечто сумеречное и пограничное (кстати, это фактически термины: «сумеречное состояние», «пограничная ситуация»).

Фрейд покидает Австрию после Аншлюса. Слева от него его ученица Мари Бонапарт, справа (как тасуется колода) Уильям Буллит, первый посол США в СССР, любивший устраивать в Москве вечера, потрясавшие воображение (один из них Михаил Булгаков описал в романе «Мастер и маргарита» как «Бал у Сатаны»)

Из сумеречной атмосферы первой части сна Юнг переносится в солнечный мир второй части, где, вместо одного «из тех, кто не может умереть» (по сути – «вечного жид»), видит крестоносца (христианина). Таможенник на границе в горах (не буду говорить о «Сверх-Я» и прочих фрейдистских категориях, сами за этим следите) проходит мимо сновидца, а рыцарь поднимается вверх по ступеням (из глубин подсознания). В двух частях сна противопоставлены две фигуры. Вот это – чужой и гнетущий «призрак покойного таможенного инспектора» (какой-нибудь Моисей на горе или даже сам бог, цензор скрижалей). «А это наше при-

¹⁴ См. главу «Преодолевая Фрейда»

¹⁵ См. Том Пятый, главу «Шаманские экскурсии. Толстой и бог Кафки»

видение», настолько привычное, что его даже не замечают. «Рыцарь и таможенник в моем сне были антиподами: призрачный таможенник, некто такой „кто не мог умереть“, безмолвное видение, и полный жизни, совершенно реальный рыцарь. Вторая часть сновидения носила в высшей степени нуминозный характер, тогда как эпизод на границе выглядел приземленным и невыразительным».

Слева Моисей работы Микеланджело (этой статуе Фрейд посвятил специальную статью, опубликованную поначалу анонимно, последняя большая работа Фрейда также была о Моисее).

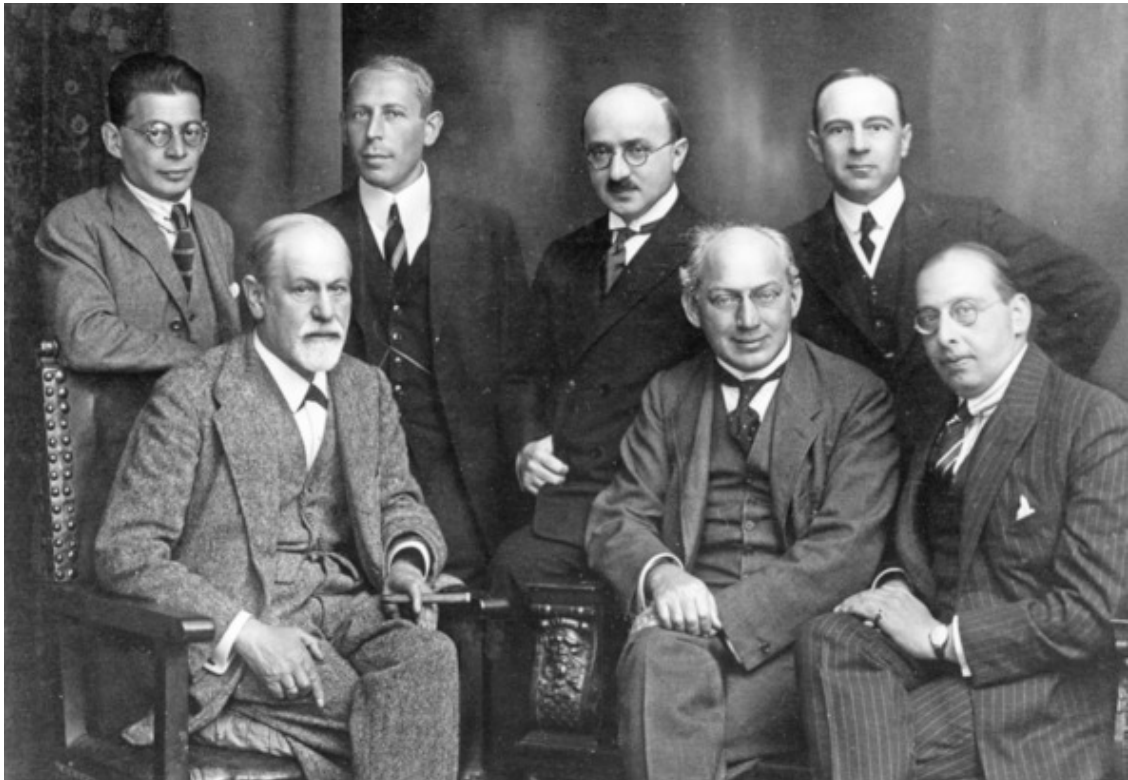
Справа картина Эдмунда Блэра Лейгтона «Тень», 1909

«Нуминозным» Юнг называет действие в человеке трансцендентной силы. В данном случае это – никак не еврейский бог. «Встречу во сне с рыцарем из того мира я считал вполне естественной, ведь это был мой собственный внутренний мир, вряд ли имевший что-то общее с миром Фрейда». Что такое мир Юнга? Вот: «Я вырос в деревне, среди крестьян, и если чего-то не мог увидеть в конюшне, то узнавал это из Рабле и фривольной фантазии крестьянского фольклора. Инцест и сексуальные извращения не были для меня тайной и какого-то особого толкования не требовали. Вместе с преступлениями они являлись темным дном человеческого бытия».

А что такое «мир Фрейда? Пожалуйста: «Естественно, что среди невротиков чаще встречаются люди, далекие от природы, а посему и менее приспособленные к жизни. Они во многом наивны как дети, им даже приходится объяснять, что они ничем не отличаются от всех остальных». Фактически это описание еврея, проблемы которого обычно и сводятся к тому, что он не понимает, что «ничем не отличаются от всех остальных». Переживание богоизбранности – род невроза, который мешает жить избранному (и тем, кто его окружает). В конце концов Юнг сообразил: «Фрейд, оказывается, сам страдал от невроза, что установить было совсем

несложно, и симптомы его болезни были крайне неприятны». В «Воспоминаниях», правда, не сказано, что это был синдром богоизбранности. Зато сказано: «Ни Фрейд, ни его ученики не поняли, к сожалению, что означает для теории и практики психоанализа тот факт, что сам учитель не сумел справиться с собственным неврозом. И, когда Фрейд объявил о намерении объединить теорию и метод, создавая из них своего рода догму, я более уже не мог сотрудничать с ним».

Я говорил¹⁶, что психоанализ – это еврейский культурный феномен. Проникаясь духом европейской культуры, еврей продолжал быть евреем, и конфликт двух ментальностей внутри одного человека нередко приводил к психическим отклонениям, которые как раз и лечил Фрейд. Но доктор хорошо понимал, что в любой момент ему могут сказать, что он имеет дело со специфически еврейскими проблемами, лечит еврея, а не человека вообще. И поэтому так дорожил арийцами вроде Гросса и Юнга. И так бесился, когда последний придумал какой-то свой психоанализ. 28 июля 1912 года Фрейд написал своему венгерскому ученику Шандору Ференци (Френкелю): «Теперь они сомневаются в важности инфантильных комплексов и уже готовы объяснять теоретические расхождения, апеллируя к расовым различиям. Сейчас у Юнга должно быть пышный невроз. Чем бы это ни закончилось, у меня исчезло намерение объединять евреев и гоев на службе у психоанализа. Они несовместимы как масло и вода».

Так называемый «Тайный Комитет» психоанализа. О. Ранк, К. Абрахам, М. Эйтингон, Э. Джонс, З. Фрейд, Ш. Ференци, Г. Закс. Берлин, 1922

Фрейд разорвал личные отношения с Юнгом 3 января 1913 года. После этого ученик еще написал пару писем учителю, но, узнав, что Фрейд сомневается в его добросовестности, официально заявил (27 октября), что прекращает с ним контакты и слагает с себя обязанности редактора психоаналитического ежегодника. «После нашего разрыва, – жалуется Юнг, – все

¹⁶ См. главу «Фрейд сновидений»

мои друзья и знакомые отвернулись от меня». За его спиной шептались (безумец, бессовестный, антисемит), коллеги старались позабористей выразить свое отношение к отступнику. Так, Ференци в письме к Фрейду говорит, намекая на Юнга, что шизофрения «очевидно, является нормальным состоянием нордического человека, который еще не сумел до конца перерасти последнюю фазу Ледникового периода». Вишь как! Короче, Юнга притравливали. И это его доставало. 10 ноября 1913 года он написал шведскому коллеге Паулю Бьеру: «До сих пор я не был антисемитом, но отныне я им стану, я уверен».

Ну, это эмоции, хотя – проблема расовых различий тогда была актуальна. В июне 1913 года Фрейд пишет Ференци: «По поводу семитизма: действительно, имеются существенные отличия от арийского духа. Мы убеждаемся в этом каждый день. Да, у них вполне могут быть различные мировоззрения и различное искусство. Но не должно быть особой арийской или еврейской науки. Результаты должны быть одинаковыми... Если подобные различия присутствуют в концептуализации объективных научных связей, значит что-то тут не так. Мы не хотели препятствовать их мировоззрению и религии, но нам казалось, что мы способствуем развитию науки».

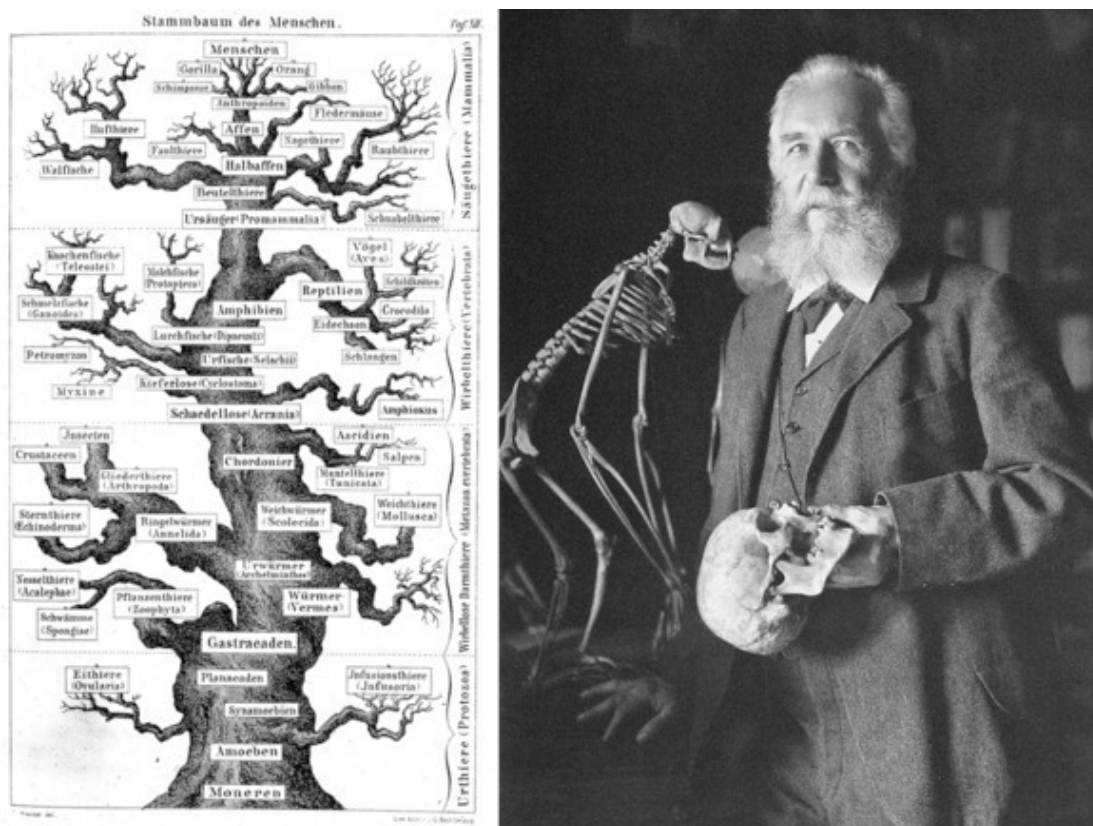
О да, наука – это святое. Но, во-первых, Юнг к тому времени уже успел публично заявить, что психоанализ является религией, а не наукой (на что Фрейд заметил: «Это отражает наше глобальное различие. Но в данном пункте еврейский дух, к сожалению, не может к нему присоединиться»). А во-вторых, как мы видели, Фрейд был склонен включать в сферу науки некоторые предрассудки своей национальной традиции и подгонять под них все многообразие проявлений человеческой психики.

Много позже в одном из примечаний к книге «Отношения между „Я“ и бессознательным» (1928) Юнг напишет: «Совершенно непростительным заблуждением было бы считать результаты еврейской психологии общезначимыми! Ведь никому не придет в голову воспринимать китайскую или индийскую психологию как обязательную для нас. Несерьезный упрек в антисемитизме, который был мне предъявлен из-за этой критики, так же неинтеллигентен, как если бы меня обвиняли в антикитайской предубежденности. Конечно, на более ранней и низкой ступени душевного развития, где еще нельзя выискать различия между арийской, семитской, хамитской и монгольской ментальностью, все человеческие расы имеют общую коллективную психику. Но с началом расовой дифференциации возникают и существенные различия в коллективной психике. По этой причине мы не можем перевести дух чуждой расы в нашу ментальность целиком не нанося ощутимого ущерба последней».

Это написано уже после того, как Юнг разработал свою собственную концепцию бессознательного. А в период писания «Метаморфоз» у него еще были довольно смутные представления о структуре объективной психики. Пожалуй, их можно резюмировать приблизительно так: в коллективном бессознательном разных этносов действуют разные архетипы. Правда, вместо слова «архетип» в ту пору использовали слово «комплекс» (отколовшееся психическое содержание, группирующееся вокруг некой смысловой сердцевины и ведущее себя как независимый субъект), а вместо термина «коллективное бессознательное» употреблялось выражение «филогенетическое бессознательное».

Что значит «филогенетическое», легко понять, если вникнуть в смысл названия книги «Метаморфозы и символы либидо». Слово «метаморфозы» (трансформации, перемены) прямо указывает на эволюцию психической энергии (либидо), которая (эволюция) оставляет на своем пути смысловые образования, символы. Медик Юнг был, конечно, знаком с теорией биологической эволюции. И в частности – с биогенетическим законом Эрнста Геккеля: «Онтогенез есть быстрое и краткое повторение филогенеза». То есть – развитие индивидуального организма (онтогенез) проходит стадии эволюционного развития того вида (филогенез, от слова *phylon* – «племя, раса»), к которому организм принадлежит. Юнг применил этот закон к психике. В основе «Метаморфоз» лежит предпосылка: в индивидуальном развитии

психики (психогенез, соответствующий онтогенезу), отражаются этапы развития культурных форм (символогенез, соответствующий биологическому филогенезу), той этнической общности, к которой принадлежит индивид.

Справа Эрнст Геккель, слева его филогенетическое древо

Понятно, что это концептуализация сна с черепами, который Юнг видел в 1909 году на борту корабля¹⁷, возвращаясь с Фрейдом из Америки. Двигаясь от интерьера (в стиле рококо) верхнего этажа вниз, к пещере первобытных людей, сновидец проходит ступени эволюции человеческого. В «Воспоминаниях» об этом сне говорится: «Основные положения культурной истории представлены в нем в виде уровней сознания: снизу вверх. Мой сон, таким образом, представлял собой структурную диаграмму человеческого сознания, выстроенную на обратных Фрейдю *безличных* основаниях». Запомним подчеркнутое Юнгом слово. И пойдем дальше: «Здесь впервые четко высветилась идея „коллективного бессознательного“ (то, что я принял за останки примитивной культуры), составляющая а priori основу индивидуальной психики. Много позже, имея уже немалый опыт и более глубокие знания, я увидел здесь инстинктивные формы – архетипы».

Если иметь в виду, что архетипы – не только «инстинктивные формы», но и формы явления нуминозов, или попросту – богов (в то числе и национальных), станет яснее, что имел в виду Юнг, когда говорил, что «мы не можем перевести дух чуждой расы в нашу ментальность целиком не нанося ощутимого ущерба последней». Примером такого наносящего ущерб «переводу» могут служить те евреи, которые, оставляя ради жизни в Вене или Берлине свои местечки, оказывались в результате пациентами Фрейда. Другой пример: христианство, которое представляет собой прививку «духа чуждой расы» к древу жизни язычников. Эта прививка породила массу проблем, которые разрешались тем, что дух коренного народа старался

¹⁷ См. главу «Преодолевая Фрейда»

выхолостить чуждый элемент, отторгнуть чужеродные смыслы, оставить от них лишь оболочки и продолжать жить своей естественной жизнью. Народ молился деревьям, камням, источникам, небу и прочим богам – под видом молитвы чужим непонятным абстракциям (об этом много в моих отчетах о 111 местах силы¹⁸).

*Страница книги Геккеля,
иллюстрирующая его биогенетический закон*

Однако прививка «духа чуждой расы» в любой момент может вызвать иммунную реакцию. Особенно, если привитый дух ослабнет, а корень дерева укрепится. Именно это происходило на рубеже XIX и XX веков: национальные боги проснулись. Процесс пробуждения начался в XVIII веке и нарастал, проявляясь во всякого рода народничестве. Мы знаем о терзаниях русских народников (я говорил о них в связи с Толстым¹⁹), но нечто подобное происходило повсюду (кстати, и сионизм возник на той же самой волне). У немцев, лишенных единого государства, этот процесс был особенно обострен.

Придет время, и Юнг опишет его как одержимость верховным богом германцев Вотаном. В статье 1936 года, которая так и называется «Вотан» (к ней еще придется вернуться), читаем: «Мы увидели Вотана, возрожденного в молодежном движении, и кровь нескольких овец пролилась в жертвоприношениях, возвестивших самое начало его возвращения. С рюкзаком и лютней белокурые юноши, а иногда и девушки появились как не ведающие отдыха странники на дорогах от Нордкапа до Сицилии, верные слуги скитающегося бога».

Обернулось это приходом к власти нацистов, которые и приостановили возрождение германских богов, впав в психоз расширения жизненного пространства (что в юнговской психологии соответствует феномену инфляции) и безумие холокоста. Разумеется, боги, которых веками душил бог евреев, – стихийные антисемиты. Но из этого вовсе не следует, что

¹⁸ См. Тома 1 – 4

¹⁹ См. Том Пятый, главу «Шаманские экскурсии. Толстой и Анна (7.Азбука)»

возвращение гойских богов неизбежно ведет к еврейским погромам. Погром – это симптом болезни, нормальному человеку и в голову не придет никого громить, хотя он, возможно, и хочет избавиться от чужого гнетущего духа. Как это сделать? Во сне Юнга желание избавиться от Фрейда осуществляется путем перенесения из сумеречного мира таможенника в солнечный мир рыцаря. Наяву это желание выразилось в написании «Метаморфоз» (и других провокациях), что и привело к отлучению Юнга от тусовки (на деле – освобождению). А как избавиться от чуждой ментальности в сфере социальных реалий?

Хуго Хоппенер, более известный как Фидус. «Молитва Солнцу». Работы Фидуса в начале 20 века пользовались бешеной популярностью

В начале XX века путей избавления виделось два. Первый: объявить (как Хьюстон Стюарт Чемберлен), что Иисус был арийцем. По такому абсолютно не спасительному пути пошли нацисты, чья идеология базировалась на иудейской идее богоизбранности, хотя и – спроецированной на арийцев. Второй путь: заменить Христа арийским божеством. Юнг считал, что на эту роль подходит Митра, иранский (то есть арийский) солнечный бог, завоевавший Римскую империю, но вытесненный Иисусом. Сравнивая в «Метаморфозах» митраизм и христианство, аналитик отмечает, что «обе религии содержат в себе идею божественной жертвы», которая в обоих случаях «является зерном мистерии». Но: «Культ Митры представляет собой религию природы в лучшем значении этого понятия, в противоположность первичному христианству с его отвержением красоты мира сего».

Митра, приносящий в жертву быка. Римский рельеф

Это противопоставление вновь отсылает нас к антитезе миров рыцаря и таможенника. И мы в свое время еще поговорим о ней. Но раньше посмотрим, как «номер 2» Юнга взял верх над его «номером 1»²⁰.

²⁰ См. главу «Нечто потустороннее»

Дух глубин

«Я достиг славы, власти, богатства, знания и всякого человеческого счастья. Тогда мое желание к увеличению этих ловушек исчезло, желание отступило, и на меня напал ужас».

Это Юнг говорит в начале первой главы «Красной книги» (о ней ниже). Речь о сороковых годах его жизни. То есть – о кризисе среднего возраста, если говорить суконым языком. А поэт скажет: «Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу»... Дальше – ужас, но Данту является дух (Вергилия) и ведет. Вот и Юнг спустился во сне (его изложение см. в главе «Преодолевая Фрейда») в глубину бессознательного и получил там импульс к написанию книги «Метаморфозы и символы либидо» (кстати, он потом признавался, что в связи с этим сном испытал «совершенно надличностное ощущение»). В ходе писания книги, блуждая путями либидо, он коснулся чего-то такого, что трогать опасно, разворошил глубины. И вот началось...

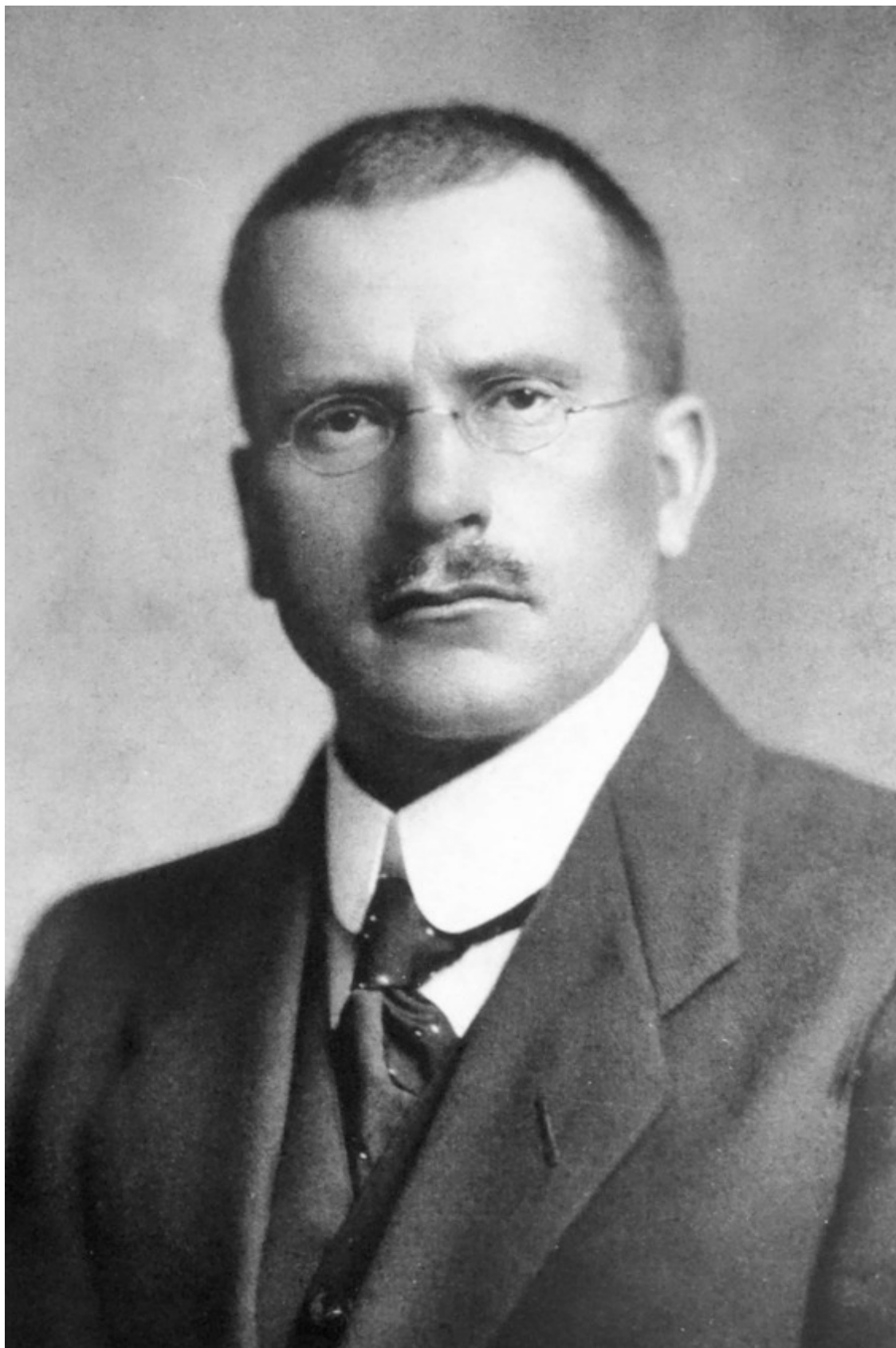

*Вергилий спасает Данте от трех зверей. Иллюстрации
Вильяма Блейка к «Божественной комедии». Ад. Песнь I*

В предыдущей главе мы говорили о разрыве с Фрейдом. Этот разрыв, очевидно, стал следствием тех глубинных процессов, которые разворачивались в душе Юнга и индуцировали ряд внешних перемен. Так, еще в 1909 году он перестал работать в клинике Бурхгольцль (но сохранил частную практику), а в 1913 покинул и университетскую кафедру. Дух, вдохновлявший его на писание «Метаморфоз», устранял все, что мешало ему развернуться. Вот и Фрейд устранил, и заставил Юнга распрощаться с научной психиатрией, которая прежде была необходимым условием успешного функционирования его «номера 1», а теперь уже только мешала тому, что выростало в душе.

В это время Юнг не мог заниматься наукой, не мог читать научные книги. Его преследовали кошмары. Он испытывал постоянную неуверенность в себе. В какой-то момент ему вдруг

показалось, что он сходит с ума, и он решил, что с этим надо что-то делать. Для начала попытался произвести инвентаризацию своей жизни, вспомнить подробности, найти в прошлом причину того, что с ним творилось теперь. Но это ничего не дало. И тогда он сказал себе: «Раз уж я ничего не знаю, все, что мне остается, – это просто наблюдать за происходящим со мной». Короче, Юнг «намеренно предоставил свободу своим бессознательным импульсам».

Карл Юнг. Фото предположительно 1912 года

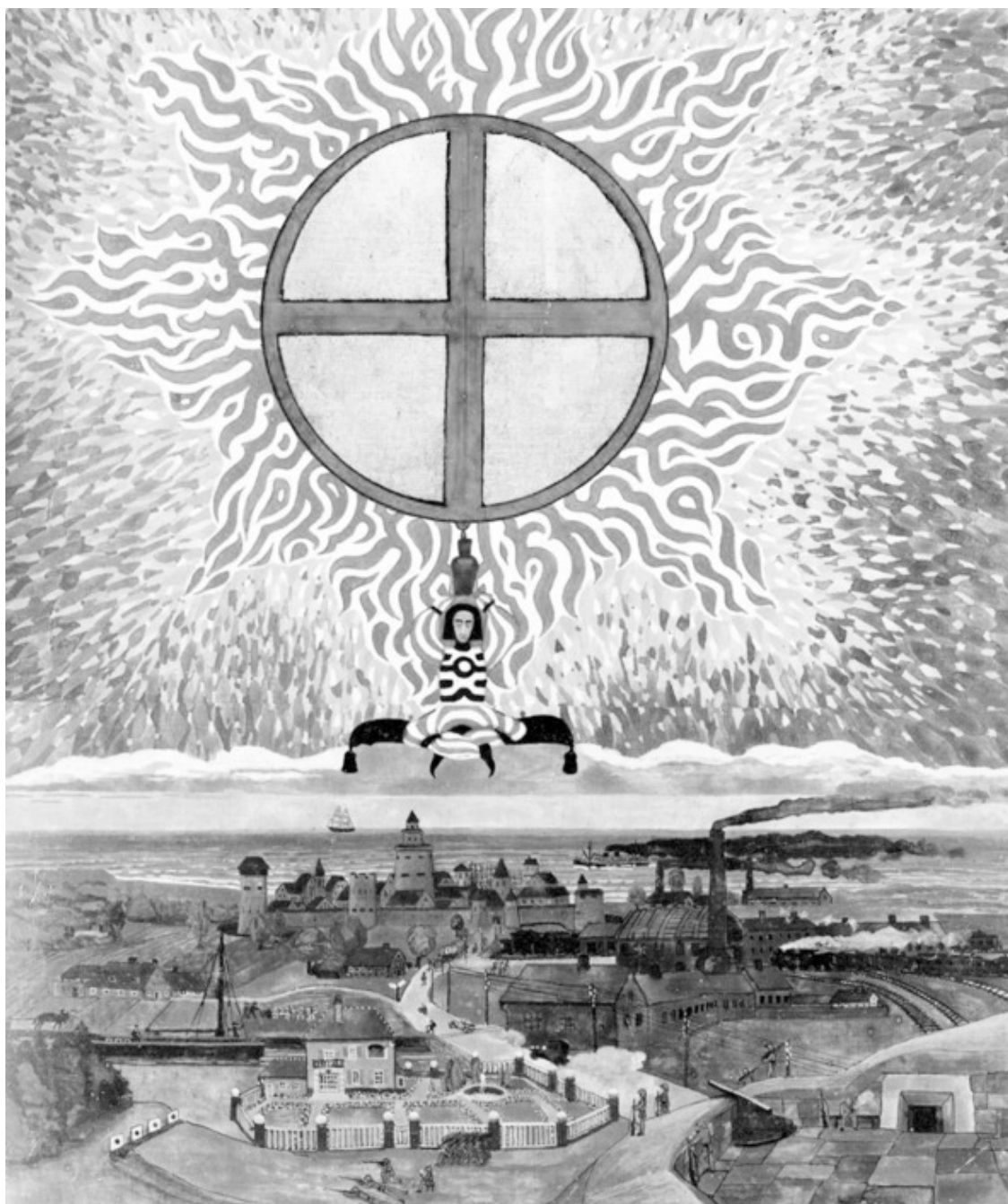
Первое, что в результате стало всплывать из глубин памяти, – детские ощущения в 10—11 лет. Это примерно тот возраст, когда Карл заложил секретик на чердаке²¹, и начался процесс, приведший к проявлению «номера 2»²². Конкретно вспомнилось, что он тогда постоянно что-нибудь строил. Эти «воспоминания оказались очень живыми, эмоциональными и вызвали множество ассоциаций». Юнг подумал: «Стало быть, все это еще имеет для меня значение. Маленький мальчик созидает нечто, живет творческой жизнью, и сейчас мне недостает именно этого. Но я уже не могу оказаться вновь на его месте. Разве можно преодолеть расстояние между взрослым человеком и одиннадцатилетним мальчиком?»

Еще как можно! Сорокалетний (почти) Юнг стал строить дома из песка и камней, посвящая этому все свободное время. Играя, он поначалу испытывал болезненное и унижительное чувство (как Карл Кастанеда, когда дон Хуан заставлял его говорить с растениями). Но постепенно втянулся и выстроил целую деревню с церковью. Оставалось поставить алтарь. Тут доктор заколебался... Это мучило его, как задача, которую надо решить. Но, как-то гуляя по берегу озера, он нашел красный камешек в виде пирамидки: вот и алтарь. «Я поместил его в центре под куполом и, когда устанавливал, вспомнил подземный фаллос из моего детского сна²³». Очень уместное воспоминание. Стоило бы вспомнить также и другие камни из детства, в том числе тот, на котором Карл любил сидеть, играя в игру «Кто я, камень или тот, кто на нем».

²¹ См. главу «Кал божий»

²² См. главу «Нечто потустороннее»

²³ См. главу «Her Jesus»

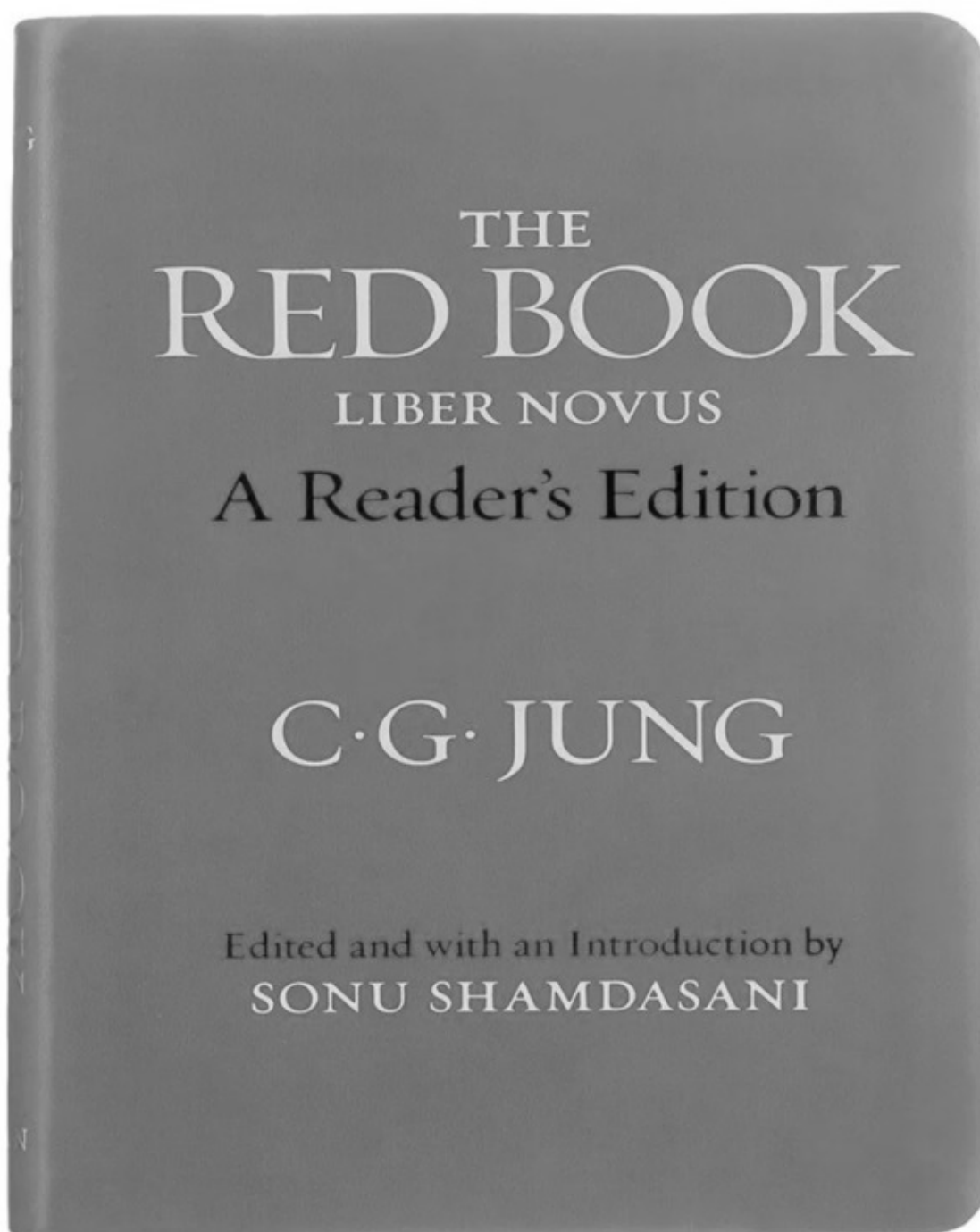
*Внизу город детской фантазии Юнга.
Картинка из «Красной книги»*

Разница между обычной инвентаризацией прошлого и телесными действиями, в которых реализуется нечто из прошлого, вполне очевидна: одно дело просто мыслить что-то и совсем другое – «предоставить свободу своим бессознательным импульсам». Заложив свою деревушку, Юнг фактически заложил нечто вроде детского секретика. Предавшись строительству, позволил Тому, что скрывалось внутри, осуществляться (мы еще увидим, как через десять лет он будет вот так же строить свою знаменитую башню). И вот в процессе игры из него вдруг нечто поперло... «Мое строительство послужило началом некоего нового этапа, когда фантазии хлынули нескончаемым потоком».

Это было ужасно. Юнг говорит, что «пытался делать все возможное, чтобы не заблудиться, чтобы каким-то образом разобраться во всем этом». В какой-то момент он уже и не верил, что сможет «справиться с этим мощным потоком чужеродных образов». Он зада-

вался вопросом: «В состоянии ли я чисто физически вынести то, что погубило других, что надломило Ницше, а в свое время – и Гёльдерлина. Но во мне поселился *некий демон* (курсив мой. – *О.Д.*), с самого начала внушавший, что я должен добраться до смысла своих фантазий. Я испытал ощущение, что некая высшая воля направляла и поддерживала меня в этом разрушительном потоке бессознательного».

Но он успокаивался, когда ему удавалось перевести чувства в образы. «По своему опыту я знал, как полезно, с терапевтической точки зрения, объяснять эмоции, находить скрытые за ними образы и картины». Именно поэтому он записывал свои фантазии как можно более подробно и старался выявить их психологический источник. «Но адекватного отображения не получалось: мой язык был слишком беспомощным. Поначалу я писал языком темным и архаическим, – архетипы выглядели патетичными и высокопарными, что меня раздражало... Но я не знал, каким языком пользовалось мое бессознательное, и у меня не было выбора: я записывал то, что слышал».

Типографское издание «Красной книги»

Свои фантазии Юнг заносил в тетради, которые называл «черными книгами». Позднее из этих записей он составит так называемую «Красную книгу» («Liber Novus»), рукописный фолиант с изображениями видений, выполненными им собственноручно. В старости Юнг вспоминал: «Годы, когда я наблюдал за внутренними образами, были самым важным временем в моей жизни. Все остальное берет начало в этом периоде. Он начался, и последовавшие детали уже не имели значения. Вся моя жизнь состояла в разрабатывании того, что прорывалось из бессознательного и захлестывало меня, как таинственный поток, и угрожало погубить меня. Этих содержаний хватило бы на несколько жизней. Все последующее было не более чем внешней классификацией, научной разработкой и интеграцией в жизнь. Но абсолютное начало, в котором содержалось все, было тогда».

«Красная книга» пролежала в банковском сейфе (буквально – секретике) до наших дней. В 2009 году она была, наконец, опубликована. Теперь каждый может убедиться в том, что практически все основные идеи глубинной психологии Юнга появились именно в тот период, хотя наименования их тогда еще были иными. В частности, «номеру 2» «Воспоминаний» в «Красной книге» соответствует (с некоторыми оговорками) «Дух глубин». А «номеру 1» – «Дух этого времени» (Фауст: «А то, что духом времени зовут, есть дух профессоров и их понятий»). Вот как в «Liber Novus» описаны эти два духа:

«Я познал, что кроме духа этого времени действует и другой дух, тот, что управляет глубинами всего современного. Духу этого времени нравится слышать о пользе и ценности. Я тоже так думал, и моя человечность все еще так думает. Но иной дух заставляет меня говорить, несмотря ни на что, превыше подтверждения, пользы и смысла. Исполненный человеческой гордости и ослепленный предубежденным духом этих времен, я долго пытался удержать этот иной дух подальше от себя. Но я не предполагал, что дух глубин с незапамятных времен и навсегда обладает большей властью, нежели дух этого времени, который меняется с поколениями. Дух глубин покорил всякую гордость и заносчивость силе справедливости. Он унес мою веру в науку, он лишил меня радости объяснять и упорядочивать вещи и дал умереть во мне преданности идеалам этого времени. Он принудил меня к последним и простейшим вещам. Дух глубин взял мое понимание и все мое знание и поставил их на службу невыразимого и парадоксального. Он лишил меня речи и письма обо всем, что не служит ему».

Это написано в 1915 году, когда Юнг уже более или менее справился с потоком фантазий, отчасти понял их смысл, научился с ними обращаться. А в 1913 году он еще не привык к ним и боялся сойти с ума под их напором. Да и как не бояться? Вот в середине октября, путешествуя в одиночестве, он вдруг увидел поток, захлестнувший Европу от Англии до России и от Северного моря до Альп. Это была картина катастрофы: желтые волны, несущие обломки и трупы. Потом все это превратилось в море крови. Видение длилось около часа. Юнг признается: «Мне стало дурно, и я стыдился». Через две недели видение повторилось, и голос сказал: «Смотри, так будет». А потом уже летом 1914 года ему трижды приснилось одно и то же: среди лета наступает стужа, и вся земля покрывается льдом. Обстоятельства третьего из этих снов таковы: Юнг в Англии, ему нужно домой, он возвращается на быстром корабле, а дома – холод, обративший живое в лед. Вот цветущее, но бесплодное дерево («Мое дерево жизни»), на морозе его листья превратились в виноград, полный целебного сока. Сновидец дает ягоды людям, которые, как ему кажется, ждут этого.

Сон приснился в июне 1914 года. А в июле доктор был на конгрессе в Шотландии. Там его и застала весть о начале мировой войны. Он поспешил в Швейцарию через Голландию и Германию. И вот что увидел в пути (воспоминание 1933 года):

«Я ехал прямо через армии, двигавшиеся на запад, и у меня было чувство, что это было то, что по-немецки можно назвать *Nochzeitsstimmung*, празднество любви по всей стране. Все было украшено цветами, это была вспышка любви, они все любили друг друга, и все было прекрасно. Да, война была важна, большое дело, но основной вещью была братская любовь... Крестьяне распахнули свои подвалы и раздавали все, что имели. Это случалось даже в ресторанах и привокзальных буфетах. Я был очень голоден, не ел сутки, и когда спросил, сколько стоят бутерброды, мне сказали: „О ничего, просто берите их!“ А когда я пересек границу Германии, нас провели в огромную палатку полную пива, сосисок, хлеба и сыра, и мы ничего не платили, это было один большой праздник любви».

«Красную книгу» готовят к изданию. Это оригинал

В тот момент Юнг уже наверняка понимал, что праздник любви (который в августе 14-го справлялся во всех странах, вступивших в войну) обернется потоками крови, которые ему были показаны в видениях. Тина Келлер, лечившаяся у него с 1915 года, вспоминает, что он ей рассказывал «о том облегчении, которое испытал, узнав о начале войны, ибо это свидетельствовало, что его видения крови и разрушений, поначалу вызвавшие у него опасения возникновения психоза, были на самом деле предвидением этого события».

Вообще-то, он и раньше был убежден в том, что видения могут содержать в себе предсказания, но тут уж получил разительное подтверждение. В «Красной книге» даже сказано, что октябрьские видения были специальным знаком, некоей благодатью, позволившей визионеру больше не сомневаться в реальной силе Духа глубин: «Благодать, излившаяся на меня, дала мне веру, надежду и необходимую отвагу не сопротивляться больше духу глубин, а произносить его слово. Но прежде чем я смог собраться, чтобы по-настоящему сделать это, мне нужен был видимый знак, который показал бы, что дух глубин во мне был в то же время управителем глубин мировых дел».

Были и другие знаки. В «Воспоминаниях» Юнг говорит, что 12 декабря 1913 года он сидел за письменным столом, как вдруг все оборвалось (это, видимо, пример активной имажинации, о ней – в свое время). «Будто земля в буквальном смысле разверзлась у меня под ногами, будто я провалился в ее темные глубины». Когда глаза привыкли к темноте, он увидел перед собой вход в пещеру и карлика. «Я протиснулся мимо него в узкий проход и побрел по колено в ледяной воде к другому концу пещеры, где на каменной стене светился красный кристалл. Я приподнял камень и увидел под ним щель. Заглянув в нее, я сначала ничего не мог различить, но, присмотревшись, обнаружил воду, а в ней – труп молодого белокурого человека с окровавленной головой. Он проплыл мимо меня, за ним следом плыл огромный черный скарабей. Затем из воды поднялось ослепительно красное солнце».

«Красная книга» уточняет: «В самой глубине потока сверкает красное солнце, сияя через темную воду. Там я вижу – и ужас охватывает меня – маленьких змей на темных каменных

стенах, стремящихся в глубины, где сверкает солнце. Тысячи змей толпятся, закрывая солнце. Настает глубокая ночь».

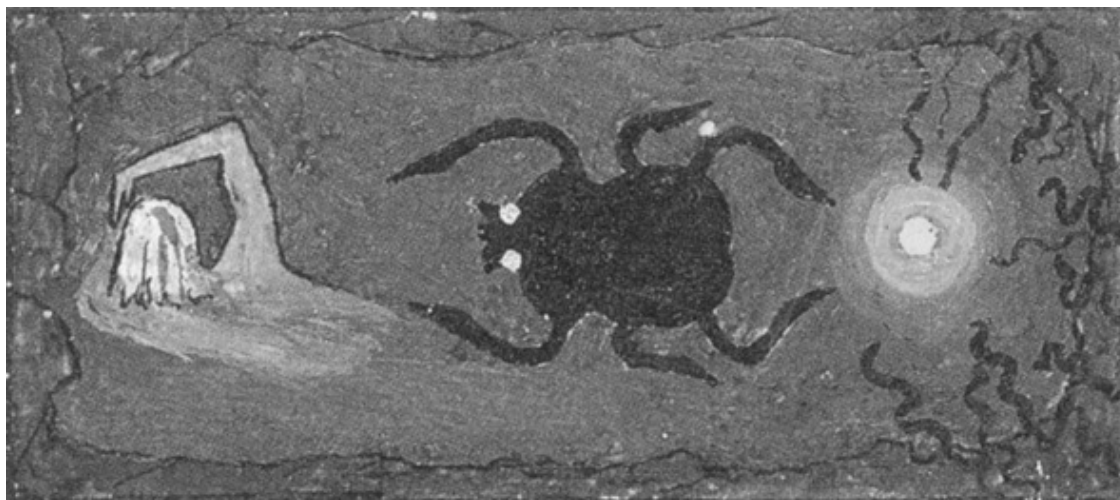
Страница из «Красной книги». Это пролог. Он называется «Путь того, кто грядет». Все нарисовано и написано рукой Юнга

Юнг хочет положить камень на место, но не успевает: поток прорывается наружу и это – кровь. То есть камень (держим в уме все прочие юнговские камни) – это пробка, закрывающая какой-то вход (ее дубликат – карлик у входа в пещеру). Упругая струя бьет из щели, Юнгу тошно. Когда видение завершилось, он понял, что в его основе – «некий солярный героический

миф, драма смерти и возрождения, которое символизировал египетский скарабей. Все должно было завершиться рассветом – наступлением нового дня, но вместо этого хлынул кошмарный поток крови, очевидная аномалия. Вспомнив кровавый поток, виденный осенью, я отказался от попыток объяснить это».

Отказался в декабре 1913 года, когда еще не знал, что видения были пророческими. Но осенью 1914 года, когда шла битва на Марне, он уже считал их предвидениями и в одной из заметок, сделанных тогда и вошедших потом в «Красную книгу», писал: «В глубинах того, что должно прийти, лежит убийство. Белокурый герой лежит убитым. Черный жук – это смерть, которая необходима для обновления; и таким образом впоследствии засияло новое солнце, солнце глубин, полное загадок, солнце ночи. И как восходящее солнце весны пробуждает мертвую землю, так и солнце глубин пробудило мертвых, и так началась ужасная битва между светом и тьмой».

Это, конечно, никакое не пророчество, это размышление по поводу того, что Юнг видел в 1913 году. Но в том, что он тогда видел, несомненно, было что-то пророческое. Загвоздка лишь в том, что заранее неизвестно, является ли то, что ты видишь, пророчеством или это просто блазнит. То есть шаман-то, разумеется, знает, что любое видение можно и должно рассматривать как предсказание (в каждом видении можно постфактум найти знаки, указывающие на то, что потом и действительно произошло), к тому же шаман умеет любое видение сразу же четко истолковать. А Юнг в тот момент еще не был знающим. Он пока что еще не встретил своего дона Хуана (Филемона), не поучился у него магии. И потому даже те свои видения, которые уже точно сбылись, толковал довольно поверхностно. Например, готов был видеть в мертвом белокуром юноше эрцгерцога Фердинанда, убийство которого послужило поводом для войны.

*Убитый юноша, скарабей, солнце, змеи.
Картинка из «Красной книги»*

Впрочем, прямо Юнг этого не говорит, лишь намекает в контексте рассуждений о том, как вообще возможно пророчество. В сухом остатке эти рассуждения сводятся к следующему: чтобы видеть грядущее, надо отвлечься от внешних событий и смотреть внутрь себя, где, собственно, и зреет все то новое, что потом случается в мире. Буквально: внешние «события ничего не означают, они значат только внутри нас. Мы создаем смысл событий». Применительно к конкретному случаю видений о войне он заявляет: «Я бы не смог видеть, что должно прийти, если бы я не видел это в себе».

Но что же он все-таки видел? В самый момент видения – карлика, камень, убитого юношу, скарабея, кровь, змей, заслоняющих солнце... А когда началась война, он увидел все

это несколько иначе: «Я соучастник этого убийства, солнце глубин сверкает и во мне после совершенного убийства; тысячи змей которые хотят пожрать солнце – они и во мне. Я сам и убийца, и убитый, жрец и жертва». Ну, а дальше эта архетипика жертвы и жреца проецируется в социальную плоскость («вы все соучастники убийства») и оборачивает постижением войны как массового жертвоприношения: «Они все должны принести в жертву друг друга, ибо еще не пришло время, когда человек воткнет кровавый нож в самого себя, чтобы пожертвовать тем, кого он убивает в своем брате. Но кого убивают люди? Они убивают знатных, храбрых, героев. Они нацеливаются на них и не знают, что имеют в виду себя. Они должны пожертвовать героем в себе».

Как это понимать? Посмотрим.

Убийство Зигфрида

18 декабря 1913 года Юнгу был сон, который в своих «Воспоминаниях» он передает так: «Я оказался где-то в горах с незнакомым темнокожим юношей, по-видимому дикарем. Солнце еще не взошло, но на востоке уже посветлело и звезд не было видно. Внезапно раздался звук трубы – это был рог Зигфрида, и я знал, что мы должны убить его. У нас было оружие, мы затаились в засаде, в узкой расселине за скалой. И вот на краю обрыва в первых лучах восходящего солнца появился Зигфрид. На колеснице из костей мертвецов он стремительно мчался вниз по крутому склону. Как только он появился из-за поворота, мы выстрелили – и он упал лицом вниз – навстречу смерти. Мучимый раскаянием и отвращением к себе – ведь я погубил нечто столь величественное и прекрасное, – я бросился бежать. Мною двигал страх, что убийство раскроется. И тут обрушился ливень, и я понял, что он уничтожит следы преступления. Итак, я спасен, и жизнь продолжается. Но невыносимое чувство вины осталось».

Проснувшийся Юнг пытается понять, что это значит, но не может. Пытается заснуть и слышит голос: «Ты должен понять это, должен объяснить это прямо сейчас!» Впадает в панику. Голос: «Если ты не разгадаешь сон, тебе придется застрелиться!» Револьвер у него под рукой (чтобы покончить с собой в случае, если почувствует, что окончательно сходит с ума), но стреляться страшно. «Лихорадочно перебирая в уме все детали сна, я вдруг понял его смысл. Он был о событиях, происходивших в мире. Зигфрид, думалось мне, является воплощением всего того, чего хотела достичь Германия, – навязать миру свою волю, свой героический идеал – „Воля пролагает путь“. Таков был и мой идеал. Сейчас он рушился. Сон ясно показывал, что героическая установка более не допустима, – и Зигфрид должен быть убит».

*Скорь у тела Зигфрида. Иллюстрации
Карла Шмоля фон Эйзенверта к «Песни о Нибелунгах». 1911*

Да, в мае 1945 года Юнг станет ярким сторонником денацификации. Но рассказывать в «Воспоминаниях» (1959), что еще до Первой мировой войны убил в себе белокурую бес-

тию, – нет, это, знаете, слишком. Явный анахронизм, бросающий политический отсвет на ключевое, может быть, видение его жизни: «Сон означал мой сознательный отказ от героической идеализации, потому что существует нечто такое, что выше моей воли, и моей власти, и моего „я“. Размышляя так, я успокоился и снова уснул».

На самом деле, конечно, политики (кроме предчувствий войны) в убийстве Зигфрида нет. В «Красной книге» некоторые детали этой истории выглядят вообще по-другому. Например, никакой «голос» не предъявляет Юнгу требований немедленно разрешать загадку убийства (хотя сам он уверен, что должен ее разрешить). Зато к нему подходит Дух глубин и говорит: «Высшая правда – это то же, что и абсурд». В сущности, Дух высказал нечто вроде семантического парадокса (типа «я лгу»). Духовидец уверен, что эти слова спасли его. Услышав их, он увидел еще одно видение: прекрасный сад, в котором двигались формы, одетые в белый шелк, покрытые светом... Похоже, как раз убийство Зигфрида и открыло Юнгу дорогу в тот сад (во всяком случае, именно после убийства начинаются потусторонние трипы, в которых самая соль «Красной книги»), а убитый – страж ворот. Так ли это? Будем разбираться.

Зигфрид «имел все, что я ценил как самое великое и прекрасное; он был моей властью, моей смелостью, моей гордостью». Так сказано в «Красной книге». Однако в 1925 году, толкуя свой сон на семинаре в Цюрихском психологическом клубе, Юнг заявит, что Зигфрид не был для него какой-то особо значимой фигурой. «Я не знаю, почему мое бессознательное было им поглощено. Особенно, Зигфрид Вагнера слишком экстравертен и временами поистине нелеп. Мне он никогда не нравился. Тем не менее, сон показал, что он мой герой».

Предположим, Вагнеровский Зигфрид доктору и точно не нравился. Но какой-то (не оперный) Зигфрид все же был его властью, смелостью, гордостью. На семинаре Юнг сообщил, что не мог понять, почему во сне у него были такие эмоции, будто выстрелили в него самого. И сделал предположение: «Должно быть, у меня был герой, которого я не ценил, и это был мой идеал силы и эффективности, который я убил. Я убил свой интеллект, в чем мне помогла персонификация коллективного бессознательного, маленький коричневый человек».

Фрагмент страницы из «Красной книги» с изображением

убийства Зигфрида и началом главы 8 «Зачатие Бога».

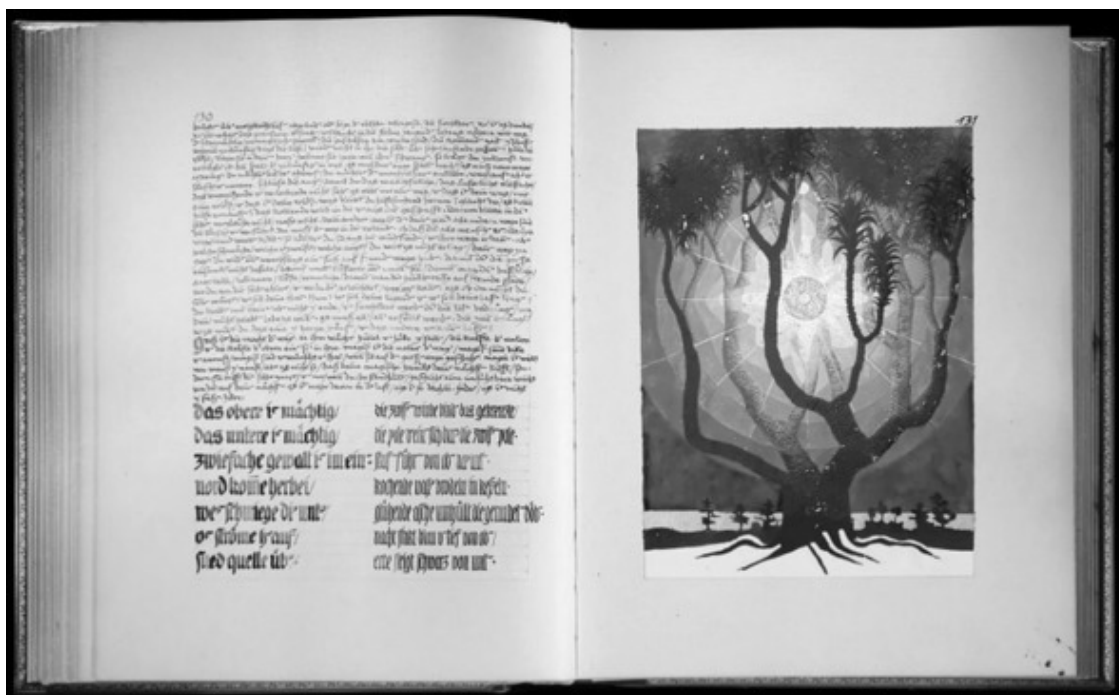
Так Юнг в «Красной книге» изобразил свой сон об убийстве

Зигфрида: двое внизу, похоже, палят из ружей, герой падает

Убил интеллект. Вот это по-нашему, по-шамански. Отсюда уже можно плясать, анализировать то, что на самом деле случилось во сне про убийство. Приступим. Обстоятельства сна указывают на какое-то начало, зарю: «Я был с кем-то молодым... Это было перед рассветом». В «Красной книге» есть одна важная деталь, опущенная в «Воспоминаниях». А именно: и «молодой», и Юнг – оба знали, что Зигфрид – их «смертельный враг». И как только он оказался перед их узкой расселиной, оба выстрели (что указывает на тождество в этот момент Юнга с «молодым»). Но инициатором убийства, очевидно, был «молодой». Ибо он – новый Юнг, воспринимающий интеллект как нечто враждебное, а науку – как тюремщика, «закрывающего душу в темную камеру». Старый же Юнг – испугался, бросился бежать, испытал раскаяние и отвращение (к себе «молодому»), смертельную муку и страх, что убийство раскроется.

Но ливень смыл следы преступления. В 1925 году Юнг скажет: «Дождь был символом снятия напряжения; силы бессознательного были отпущены. Когда это случилось, это вызвало чувство облегчения. Вина была искуплена, потому что, как только главная функция низложена, появляется шанс для других сторон личности быть рожденными к жизни». И еще, немного иначе: «Это связано с жертвой высшей функции, чтобы получить либидо, необходимое для активизации низших функций».

Под высшей функцией надо понимать интеллект, который Юнг в себе убил. Понятно, почему он так боялся, что «убийство раскроется»: ведь человек с убитым интеллектом – безумец (кто же пойдет лечиться к такому врачу?) А вот низшие функции – это то, что начинает прорастать из глубин, когда контроль интеллектуальной функции снят. Уже во второй главе «Красной книги» Юнг заявляет: «Знание сердца не найти в книгах и речах учителя, оно растет из вас, как семя растения из темной земли». Мотив прорастания из глубин – один из важнейших мотивов и «Красной книги», и всех последующих текстов Юнга. Наиболее полное выражение он найдет в шаманском эссе «Философское дерево» (1945), трактующем процесс индивидуации как рост Самости: «Анфас ее будет представлен перекрестием мандалы, а сбоку мы увидим дерево: Самость, изображенная в процессе роста».

Разворот «Красной книги». Он не имеет прямого отношения к сюжету об убийстве, я выбрал эту картинку потому, что на ней есть и дерево, и мандала: круг в ветвях дерева

Но до четких формул «Философского дерева» еще надо дожить, а пока что в Юнге, ушедшем во внутреннюю пустыню, только начинает что-то прорастать. «Красная книга»: «Когда пустыня начинает расцветать, она приносит странные растения. Ты будешь считать себя сумасшедшим, и в определенном смысле ты им и будешь». Верно, но только это отнюдь не болезнь в клиническом смысле, хотя – и похоже: «Если тыходишь в мир души, ты, как безумец, и врач посчитает тебя больным. То, что я здесь говорю, можно рассматривать как болезнь, но никто не может увидеть это как болезнь в большей степени, чем я». И далее: «Но знайте, что есть священное безумие, которое – не что иное, как преодоление духа этого времени духом глубин».

Вот в контексте «священного безумия» и рассмотрим убийство героя. В «Красной книге» написано, что героическое обнаруживает себя в том простом факте, что человеком управляет идея, заставляющая его считать, что то или иное хорошо и обязательно, та или иная цель должна быть достигнута, то или иное желание надо подавить. То есть героическое – это сфера «номера 1», который есть проекция в индивида Духа этого времени. Герой блокирует все, что не соответствует общепринятому, противоречит установкам «этого времени». А это не только социальные условности и моральные максимы. Дух времени прежде всего – в автоматизмах мышления. Вместо того, чтобы нечто непосредственно понимать, мы подводим это нечто под готовые понятия. Нас с детства учат не узнавать новое, а узнавать в неизвестном известное. И таким образом отбрасывать то, что лежит за пределами, которые задает Дух времени.

Выход отсюда один: убить в себе героического кантианца с его трансцендентальным единством апперцепции. Кант: «Должно быть *возможно*, чтобы я *мыслю* сопровождало все мои представления; в противном случае во мне представлялось бы нечто такое, что вовсе нельзя было бы мыслить». На этом «я мыслю» построена западная культура нового времени, это и есть дух нового времени. В этом духе мы думаем, действуем и существуем. Он безмерно силен (пишет Юнг), поскольку принес в мир бездну полезного и очаровал людей неисчислимыми благами. Он обладает прекрасными героическими качествами, он стремится вести нас все выше и выше к звездным высотам.

Страница из «Красной книги» с главой 5 «Грядущий спуск в ад»

По сути, Дух времени – это дух прогресса. Но прогресс – не только технологические достижения и радости комфорта, прогресс – это враг человека, поскольку ограничивает его, перестраивает под себя, отделяет человека от глубин его собственной души. «Герой хочет открыть все, что он может. Но безымянный дух глубин пробуждает все, что человек не может. Неспособность препятствует дальнейшему подъему. Большая высота требует больших свершений. Мы этим не обладаем. Мы должны сначала это создать, учась жить с нашей неспособностью. Мы должны дать этому жизнь. Ибо – как иначе мы разовьем это в способность?» Некая

немочь, вырастая, превращается в мощь. Чтобы это стало ясней, перечислю главные предпосылки, лежащие в основе психологии Юнга.

Во-первых, в бессознательном кроется нечто, без чего жизнь ущербна. Во-вторых, Дух времени (прогрессистская ипостась иудео-христианского бога) ставит барьеры на пути процессов, идущих из глубины (такова, например, «цензура», о которой шла речь в экскурсии «Семиты и арийцы»²⁴). В-третьих, потенции, заключенные в подсознании, все-таки прорываются наружу, что иногда делает человека пророком, иногда приводит в больницу, а чаще всего оборачивается перманентным страданием, с которым бедняга живет, не понимая, что мучат его как раз застывшие на полпути процессы его собственного роста. А отсюда, в-четвертых, следует, что надо дать свободу тому, что идет из глубин (см. экскурс «Выпустить птичку»²⁵). Однако, в-пятых, все это не значит, что мы должны отказаться от достижений прогресса, в рамках которых протекает нормальная человеческая жизнь.

«Если стереть весь героизм, – сказано в книге, – мы... окажемся на помойке нашей преисподней, среди руин всех столетий внутри нас». Значит, надо как-то соединить Духа времени и Духа глубин, дать развиваться «номеру 2», не утратив при этом возможностей «номера 1». Впоследствии Юнг нащупает способ их гармонизации, а в декабре 1913 года он только и знает, что «глубины и поверхность должны перемешаться так, чтобы могла развиваться новая жизнь». Но это еще не целостность, ни о какой гармонии двух номеров тут говорить не приходится. Напротив, между ними – «гражданская война», как говорит душа Юнга. И он сам подхватывает: «Я боролся с собственными зеркальными отражениями. Это была гражданская война во мне. Я сам был убийцей и убитым. Смертельная стрела застряла в моем сердце, и я не знал, что это означает».

Ну, в духе времени позитивизма это означает шизофрению (глава, из которой взята последняя цитата, буквально и называется «Расщепление Духа»). «Номер 2» стремится целиком завладеть Юнгом, а «номер 1» гнет свою линию, ибо чувствует, что дело пахнет психушкой. Герой, конечно, будет убит, но – не окончательно. Дух времени еще овладеет Карлом, а потом опять отступит. И так – много раз (чередование ремиссий и рецидивов). Здесь, кстати, становится ясно то, почему в разные времена своей жизни Юнг понимал убийство героя по-разному. Просто в одних случаях (например, «Воспоминаниях») он смотрел на дело с позиции «номера 1», а других (как в «Красной книге») превалировал «номер 2».

Вернемся, однако, к убийству. Уже понятно, что это преодоление Духа времени, которым Юнг был одержим («я был пойман в духе этого времени») с тех пор, как решил стать успешным человеком²⁶. Теперь пришло время Духа глубин. Но тут кое-что надо бы уточнить. В предыдущей главе мы разбирали видение, случившееся 12 декабря 1913 года, где Юнг проникает в глубины и находит убитого блондина. Это, конечно, тоже герой, но в том видении Дух времени предстает еще и в виде карлика у входа в пещеру. На семинаре в 1925 году духовидец рассказывал, что, после некой битвы в воздухе, Дух глубин как-то вырвался вперед и повел его к самому сокровенному месту. При этом «он уменьшил Духа этого времени до размеров карлика, который был умен и суетлив, но все же был карликом. Он не мог помешать мне войти в темную преисподнюю духа глубин». И Юнг протиснулся в пещеру мимо него...

Перед нами типичный случай трансцендирования, перехода границы между мирами. Как происходит такой переход? Когда придет время говорить о Самости, я предложу формальную теорию границы, из которой станет ясно, что момент перехода – принципиально парадоксален (что и означает абсурд, о котором часто говорит Юнг в связи с убийством). Пока же обойдемся наглядным: переход осуществляется через архетипическую расщелину в реальности,

²⁴ См. главу «Семиты и арийцы»

²⁵ См. главу «Выпустить птичку»

²⁶ См. главу «Нечто потустороннее»

мандорлу, которую можно видеть на бесчисленных иконах всех времен и народов. В Юнговских снах мандорла – это пещера, расщелина, расселина, узкий ход... Вот, к примеру, Зигфрид (героический Юнг «номер 1») спускается по крутому склону к узкому месту, где притаился Юнг же, но – в ипостаси «молодого». И как только Юнг герой оказывается у расщелины, молодой Юнг стреляет. Тут и наступает состояние безумия, в котором только и можно перейти на ту сторону, иначе говоря – увидеть то, что в героической ипостаси принципиально невидимо: «Когда мой принц упал, Дух глубин открыл мое видение и позволил мне осознать рождение нового Бога».

*Иисус на фоне мандорлы. «Сошествие во ад».
Новгородская икона конца 14 века*

О «Боге» – умирающем и, конечно, возрождающемся – чуть ниже, а сейчас – о заурядном. Ситуация с убийством героя знакома всем по опыту перехода ко сну: ты только что пребывал в яви и вот уже гредишь. Твое тело лежит неподвижно, а сам ты испытываешь всякие приключения. В экскурсии «Бардо»²⁷ я рассказывал о путешествиях на тот свет Одиссея, Гильгамеша и прочих очарованных странников. Всякий раз их путь начинался со смерти кого-то из близких. В случае Одиссея погиб Эльпенор, в случае Гильгамеша – Энкиду, в случае Юнга символически умер Фрейд²⁸ (возможно, как раз его тень и витает во сне в виде Зигфрида). Так вот, начинается путь с какой-нибудь смерти, а пролегает – через женское влагилице. В сле-

²⁷ См. Том Четвертый, главу «Шаманские экскурсии. Бардо»

²⁸ См. главу «Семиты и арийцы»

дующий раз мы увидим, через чье влагалище путешествовал Юнг, а здесь лишь замечу, что во второй «Черной книге» (это фрагмент не вошел в «Красную») рядом с Юнгом после убийства оказывается женщина: «Я легко шел вверх по невероятно крутой тропе и потом помог подняться своей жене, которая шла за мной более медленно».

Это не обязательно Эмма Юнг, просто женщина в ситуации перехода архетипически необходима. И в этой связи открывается еще один символический аспект ливня после гибели героя у расщелины. Ливень – это оргазм, посястороннее переживание того состояния, которое испытывает тот, кто через мандорлу проник в глубину, на ту сторону. О том, что Юнг там увидел, мы знаем пока лишь из видения (сад, в котором двигались формы), с которого начали настоящий анализ. Но мы уже знаем, как это событие перехода проецировалось в обыденную реальность. Проецировалось в форме серии видений, которые показывались как бы задом наперед (это заставляет вспомнить «Обратную перспективу» Флоренского), от следствия к причине: потоки крови, захлестнувшие Европу, – середина октября 1913 года, убитый белокурый юноша – 12 декабря, убийство героя – 18 декабря. Это – как бы круги на поверхности после нырка в глубину, волны, несущие пророческую информацию навстречу обычному ходу времени (в котором Гаврило Принцип убивает принца Фердинанда, после чего и начинается раскручиваться война).

Юнг со своей женой Эммой

А в глубине, куда проник «молодой», происходят пикантные вещи: «Когда герой был убит, и смысл был признан в абсурде, когда все напряжение обрушилось вниз из беременных туч, ...я осознал рождение Бога. Противоборствуя мне, Бог погрузился в мое сердце, когда я был смущен насмешкой и поклонением, горем и смехом, „да“ и „нет“. Он поднялся из слияния двоих (в частности, из абсурда и смысла. – *О.Д.*). Он был рожден, как ребенок, из моей собственной человеческой души, которая зачала его с сопротивлением, как девственница».

Это может показаться глупым и неприличным тому, кто не бывал на той стороне. А тому, кто убил в себе разум, уже ничто не кажется глупым и неприличным, ибо он – безумец, лишенный героических критериев, он юродивый, он просто видит. Нет, конечно, потом, вернувшись обратно, придя в себя и пытаясь осмыслить происшедшее в категориях «номера 1», он, возможно, будет удивляться (как Николай Ростов²⁹): что такое со мной случилось, как я мог быть таким идиотом, как я мог поверить во всю эту чушь, пустой сон, нелепую галлюцинацию? Ведь это же все не реально?

Вот и наш Карл... Глава «Зачатие Бога» (следующая за главой «Убийца героя») начинается разговором с душой (анимой), в котором Юнг заявляет, что открывшийся ему мир кажется каким-то ненастоящим, но – «горчичное зерно выросло в дерево, Слово, зачатое в лоне девы, стало Богом». Короче, то, что открылось на той стороне, уже захватило ученого...

Информация для профанов: переход на ту сторону обычно сопровождается всякого рода нуминозными явлениями, чудесами, если угодно. И чтобы уж закончить этот затянувшийся экскурс, я без лишних комментариев приведу один факт, которого Юнг скорей всего даже не знал (а иначе бы хоть намекнул на него в своих поздних текстах о синхронии). Факт такой: 17 декабря 1913 года, как раз накануне убийства Зигфрида, Сабина Шпильрейн родила дочь Ренату (в смысле – Возрождение). Странно, но, кажется, никто до меня не обратил внимания на это совпадение, а оно поучительно.

²⁹ См. Том Пятый, главу «Шаманские экскурсии. Ростов. Я и Ся»

Гухьясамаджа, медитируя со своей Шакти, выступает из мандорлы. Тибетская танка. 17 век

Как мы помним³⁰, Сабина хотела родить от Юнга ребенка. Но не простого. Их сын должен был стать спасителем человечества, поскольку соединил бы в себе лучшие черты арийцев и евреев. Это не получилось. После неудачного романа с Юнгом девушка окончила университет, сблизилась с Фрейдом, стала членом Венского психоаналитического общества. В 1911 году она написала статью под названием «Деструкция как причина становления» и послала ее Юнгу

³⁰ См. главу «Выпустить птичку»

со словами: «Дорогой мой! Получи дитя нашей любви, статью, которая и есть твой маленький сын Зигфрид. Мне было трудно, но нет ничего невозможного, если это делается ради Зигфрида»... Без комментариев. Но дальше: «Это исследование значит для меня много больше, чем жизнь». Симптоматично, не правда ли? Эрих Фромм, вероятно, увидел бы в этой «деструкции», значащей «много больше, чем жизнь», то, что он называл «некрофильским характером». Впрочем, его книга «Анатомия человеческой деструктивности» выйдет в свет только в 1973 году. А Сабину, вернувшуюся в Россию, в 42-м убьют немцы в Ростове.

Когда летом 1912 года она вышла замуж за Павла Наумовича Шефтеля, Фрейд это одобрил: «Теперь я могу вам признаться, что мне вовсе не нравилась ваша фантазия родить нового Спасителя от смешанного арийско-семитского союза. Во время своей антисемитской фазы Господь не случайно дал ему родиться от благородной еврейской расы». А когда Сабина забеременела, написал ей: «Сам я, как Вы знаете, излечился от последней толики моего предрасположения к арийскому делу. Если ребенок окажется мальчиком, пожалуй, я бы хотел, чтобы он превратился в стойкого сиониста. В любом случае он должен быть темноволосым, хватит с нас блондинов».

Как раз блондина с проломленным черепом Юнг и увидел 12 декабря, а через шесть дней убил Зигфрида. Не сына Сабины, но все же сгущение родственных смыслов перед Рождеством 1913 года – вряд ли случайно, хотя и, конечно, абсурдно. В одном из своих последних писем к Сабине Юнг писал: «Любовь С. к Ю. дала возможность последнему осознать то, что ранее он лишь смутно подозревал, – силу бессознательного, которая формирует судьбу, силу, ведущую к событиям величайшего значения». Именно в таких разительных совпадениях, как дата убийства Зигфрида и дата рождения Ренаты, проявляется работа бессознательного, формирующего судьбу. Придет время, и Юнг назовет феномен таких значимых совпадений «синхронией».

А мы в следующей главе трансцендируем за Юнгом, дабы проследить его приключения по ту сторону этой реальности.

Трансцендентные реалии

Прежде чем следовать за Юнгом на ту сторону – несколько замечаний. Начнем с того, что подобные трипы обычно осуществляются через расщелину в реальности, мандорлу, естественным символом которой является – из песни слова не выкинешь – манда какой-нибудь милой Цирцеи (об этом я говорил³¹ в связи с путешествием Одиссея в Аид). Цирцеей для Юнга в то время была Тони Вульф, представительница одной из старейших семей Цюриха. Девушка стала его пациенткой в 1910 году, а в 1913 курс анализа был закончен. Примерно в то время Юнгу приснилось, что он путешествует с Тони в Альпах. Каменистая долина, гора, из нее раздается песнь эльфов. Тони идет на пение и исчезает в толще горы. Юнг проснулся в холодном поту...

Короче, она стала его любовницей. Эта любовь длилась лет сорок, и Эмма Юнг относилась к ней с пониманием. Иногда, конечно, сердилась на Тони, но как-то все-таки эти две арийки смогли разумно распределить меж собой время и силы возлюбленного. Фройляйн Вульф была умна, впечатлительна, обладала природным тактом и чудной мандорлой. В отличие от Сабини Шпильрейн³² – никаких истерик и мам в шкафу. Юнг не мог нахвалиться подругой, иногда, забываясь, рассказывал пациентам, как хороша его Тони в порывах любви. С ней он познал мистический смысл сексуальности. И именно она опекала доктора в годы рискованного эксперимента, который он ставил над собой.

Лукас Кранах Старший.
«Саломея с головой Иоанна Крестителя». 1530

В ходе этих опытов по перемещению за грань реальности Юнг пользовался техникой «активного воображения» (или «активной имагинации»), которую попробовал уже в 1910 году.

³¹ См. Том Четвертый, главу «Шаманские экскурсии. Фюсис»

³² См. главу «Впустить птичку»

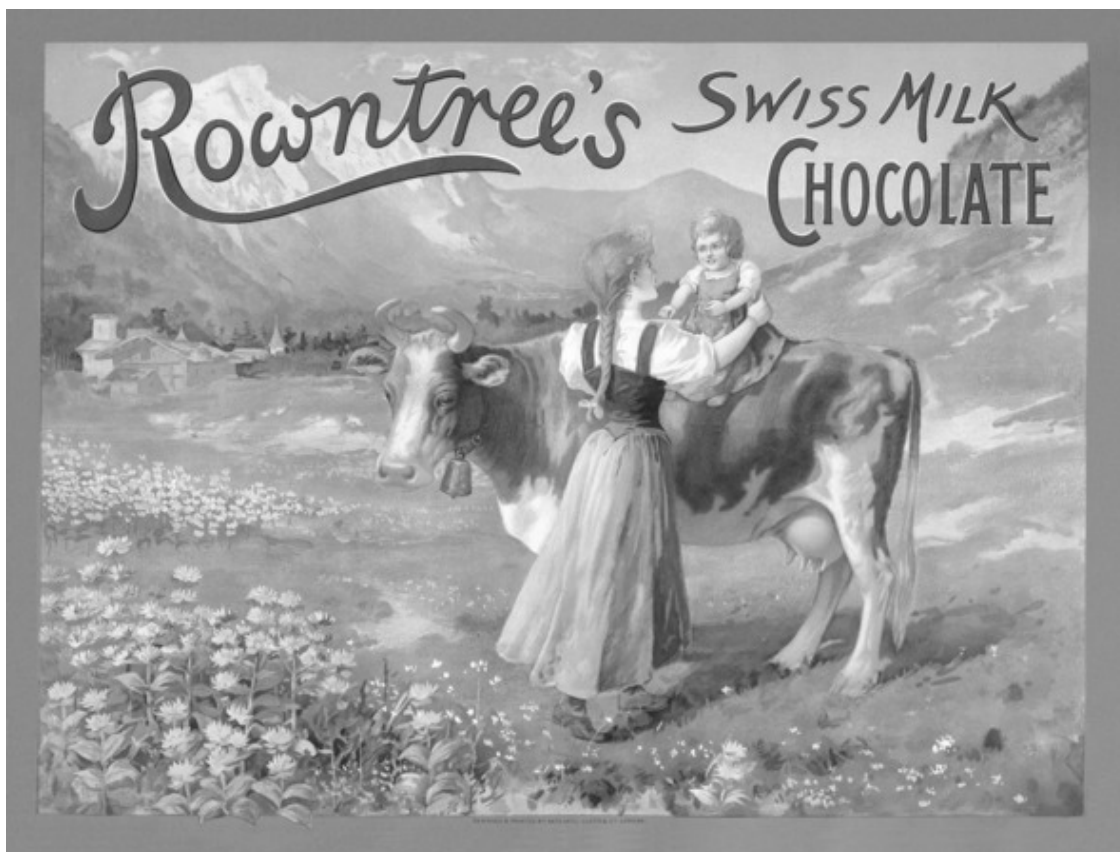
Самое, пожалуй, раннее описание этой техники он дал в эссе «Трансцендентная функция», написанном в 1916 году (но тогда не опубликованном). Правда, там еще нет термина «активное воображение», он появится позже (так что при публикации эссе в 1959 году пришлось объяснить в предисловии смысл термина). Но вообще Юнг описывал эту технику неоднократно. Наиболее доходчиво – в «Тевистокских лекциях» (1935), где он рассказывает об одном своем пациенте, актере, который все никак не мог въехать в суть дела. Ему помог рекламный плакат, изображающий водопад, зеленый луг и коров на склоне холма...

Юнг: «Он сидел, уставившись в эту картинку, и думал о том, как разобраться с тем, что я подразумеваю под активным воображением. И... ему пришло в голову: „Наверное, я мог бы начать с фантазии по поводу этого плаката. Я, например, мог бы вообразить самого себя на этой картинке, как будто это реальный пейзаж, и я могу даже взобраться по склону, где пасутся коровы, на вершину холма и увидеть, что находится там, за холмом“».

Слева Эмма и Карл Юнг. Справа Тони Вульф

Актер вообразил себя на плакате, взобрался на холм, увидел с его вершины луг, коров, какую-то изгородь, спустился вниз, пошел по тропинке, через овраг, обойдя валун, увидел часовню с приоткрытой дверью, захотел войти в нее и вошел. На алтаре стояла деревянная фигура Богородицы. Он поднял глаза на ее лицо, и в этот самый момент кто-то с острыми ушами скрылся за алтарем. Человек подумал: «Да, все это чушь», – и фантазия исчезла. Потом он сказал себе: «Я так и не понял, что такое активное воображение». Но вдруг его осенило: «Да, но, может быть, все это действительно было». И он решил повторить эксперимент: вообразил, что снова рассматривает плакат и фантазирует, как он взбирается на гору и так далее. Перед часовней он (цитирую) «сказал себе: „Теперь, после того как я открою дверь и увижу на алтаре Мадонну, из-за статуи должен показаться и тут же скрыться кто-то с острыми ушами, если же этого не произойдет, значит это все пустое!“ И вот он открыл дверь и увидел, что все на месте, и, как и прежде, кто-то спрыгнул вниз; это убедило его».

Реклама швейцарского шоколада. Примерно на такую картинку мог смотреть актер, о котором рассказывает Юнг

Профаны не увидят тут ничего необычного. Знатоки Кастанеды вспомнят кое-какие уроки из тех, что давал дон Хуан. А сам Юнг объяснял тевистокским слушателям: «Если вы концентрируетесь на мысленной картине, она начинает двигаться: образ обогащается деталями, т.е. картина движется и развивается. Естественно, всякий раз вы не верите в это, вам приходит в голову, что вы сами все это вызвали, что это лишь ваша собственная выдумка. Но вы должны преодолеть это сомнение, ибо оно ошибочно. Нашим сознательным разумом мы можем достичь действительно совсем немного. Мы все время зависим от вещей, которые буквально обрушиваются на наше сознание... Если бы, например, мое бессознательное отказалось подавать мне идеи, я бы не мог продолжать чтение лекции, ибо был бы не в состоянии придумать следующий шаг».

И далее: «Мы переоцениваем силу воли и осознанной интенции. Когда же мы сосредоточиваемся на внутренней картине и не мешаем событиям идти своим чередом, наше бессознательное оказывается в состоянии породить серию образов, складывающихся в целую историю».

Фердинанд Ходлер. Косогор где-то в Альпах. 1902

Итак, будем иметь в виду следующее. Во-первых, активное воображение – это как бы сны наяву. Во-вторых, эти сны наяву имеют свою собственную логику, а их персонажи живут своей собственной жизнью. Но, в-третьих, это возможно только в том случае, если человек не вмешивается в процесс свободного развертывания сюжетов, не искажает его своими рациональными предпочтениями (потому и надо убить «героя» в себе, как это сделал Юнг³³, понизить уровень сознания). Стоит также отметить, что продукты активной имажинации могут воплощаться по-разному. Юнг говорит о своих пациентах: «Они начинают чертить, рисовать или оформлять свои образы пластически, а женщины – иногда вязать или ткать. Я даже знал пару женщин, которые вытанцовывали свои бессознательные фигуры. Бесспорно, их можно выразить и посредством письма».

³³ См. главу «Убийство Зигфрида»

Участники Веймарского конгресса психоаналитиков, 1911. Тони Вольф сидит третья справа. Дальше влево от нее через одну участницу – Эмма Юнг (над ней стоит Карл), еще через одну участницу знаменитая Лу Андреас-Саломе (дама в мехах), а еще через одну Мария Мольтцер (это ее голосом, как считается, вещала анима Юнга). Фрейд, конечно, тоже здесь

Сделав эти предварительные замечания, вернемся в предрождественское время 1913 года, когда Юнг, экспериментируя с техникой активного воображения, переходил по ту сторону обыденной реальности. В «Воспоминаниях» он говорит: «Для того, чтобы удержать фантазии, я часто воображал некий спуск. Однажды я даже пытался дойти до самого низа. В первый раз я будто спустился метров на 300, но уже в следующий раз я оказался на какой-то космической глубине». Речь о спуске, происшедшем в ночь на 21 декабря 1913 года. На семинаре в Цюрихском психологическом клубе (1925) Юнг говорил, что в тот раз он использовал тот же метод нисхождения, что и в предыдущих случаях, но пошел глубже: «Первой картиной был кратер, или замкнутая цепь гор, и по ощущениям ассоциации были такие, будто я был мертв, будто сам был жертвой. Это было настроение земель потустороннего мира» (неплохо в этой связи вспомнить медиумические трипы кузины Юнга Хелли Прейсверк³⁴

³⁴ См. главу «Нечто потустороннее»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.